

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 3 (359)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux - Le Courrier Socialiste - 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Февраля 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: К борьбе за демократию.
Р. Абрамович: Накладные пакта «коллективной безопасности».
А. Югов, Госбюро: 1936-го года.
Партийная трибуна: Б. Сапир. Необходимое дополнение (о внешней политике) интернационала.
Заграницей: Через 10 лет. — 70-летие Коммунистической партии. — Литве. — 70-летие

дека. — Памяти тов. Виргилия (некролог).
По России: «Сплошной праздник». — Единение с народом. — Слухи о войне. — Жизнь входит в норму. — Недовольство стахановщиной. — Пересмотр норм выработки и системы оплаты. — «Юбиляры и триумфатора».
Из партии: Годовщина смерти М. Зборовского. — Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик. — От редакции.

Фельетон: Ф. Дан. Пути рабочего единства.

К БОРЬБЕ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

1 января Бухарин раз'яснил, что «настоящее развертывание великой демократии» заключается в том, чтобы вместо самих трудящихся масс «выбирали» депутатов «тонны, метры, штуки выработанной продукции». Но не успела эта директива быть основательно «проработана» на местах, как получился конфуз. Считая себя не хуже других, Удмуртские и Киргизские «метры и штуки» направили и свои делегации в Москву «с требованием приема и торжественных совещаний с членами правительства и руководителями партии». Но ЦК ВКП и СНК СССР тут-же распорядились «вернуть обратно» эти делегации и постановили: «посылать делегации в Москву» можно «лишь с разрешения ЦК ВКП и СНК СССР» («Пр.», 21.1). И сейчас-же ЦК Комсомола и ЦС Осовиахима со своей стороны «категорически запретили организацию оборонных переходов, имеющих своей конечной целью приход команд в Москву, без предварительного согласия ЦК ВЛКСМ и ЦС Осовиахима» («Изв.», 24.1).

Таким образом, в дело была как будто внесена окончательная ясность: штуки штуками, но «настоящее развертывание великой демократии» заключается в том, чтобы депутаты и от этих «штук» выбирал ЦК ВКП, т. е., в конечном итоге, все тот-же Сталин. Не солоно хлебавшим Удмуртским и Киргизским штукам чем оставалось ничего иного, как горестно наблюдать своих более счастливых Азербейджанских и Бурято-Монгольских собратьев, удостоившихся в эти самые дни и рукопожатия Сталина, и орденов, и всех других пола-

гающихся по штату наград. Во всяком случае та демократизация с равным, тайным и прямым голосованием и прочими благами «советского парламентаризма» по лучшим западно-европейским образцам, которая была торжественно возвещена год тому назад, казалась похороненной навеки.

И вдруг — как будто новый поворот! В докладе Степного торжественному заседанию, посвященному 12-ой годовщине смерти Ленина, неожиданно вновь появляются почти забытые уже за год слова о «дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенными — прямыми, открытыми — закрытыми» («Пр.», 24.1). И одновременно европейская печать, с легкой руки «Дэйли Геральд», органа английской Рабочей Партии, начинает пестрить сообщениями, что обещанная год тому назад реформа будет еще в текущем году полностью внесена на утверждение с'езда советов, и что в начале 1937 года состоится уже (по новой избирательной системе) выборы центрального и местных «советских парламентов», за которыми однако предполагается сохранить традиционное название «советов».

Правда, московский корреспондент французского агентства Гавас тут-же телеграфировал, что «осведомленные лица» считают эти сообщения необоснованными и указывают, что, по конституции, очередной советский с'езд соберется не раньше конца 1938 года (как будто нельзя созвать с'езд вне-очередной!). Но сама формулировка этого полу-официозного опровержения

настолько двусмысленна и не категорична, что она ничуть не задерживает дальнейшего распространения «самых достоверных» слухов, усиленно поддерживаемых — нам уже приходилось как-то упоминать об этом — кое-какими заграничными, особенно немецкими, представителями Коминтерна. Слухи нагромождаются и ползут, и мы не видим никакого основания хранить их под спудом.

Говорят, что основные линии новой конституции и нового избирательного права уже выработаны, но что главным препятствием к опубликованию этих государственных актов является тотчас-же всплывшая и, в условиях советской диктатуры, трудно поддающаяся разрешению проблема «оппозиции», способной отставить своих кандидатов в противоположность кандидатам официальным, без чего все выборы превратились бы в слишком очевидную комедию. Говорят, что возник план легализации некоторых социалистических партий, но был признан опасным и оставлен. Говорят, что, за оставлением этого плана, возник другой — легализации кое-каких «уклонов» в самой коммунистической партии, но, как еще более опасный, тоже был похоронен. Говорят, что возникла идея поручить дело организации «оппозиции», не выходящей за пределы критики «маленьких недостатков механизма», некоторым почтенным деятелям, известным своею безусловною преданностью сталинскому режиму, но в то же время имеющим не большевистское или не стопроцентно большевистское биографическое прошлое, и в качестве таких лиц называют: Максима Горького, еще в 1922 году, по поводу процесса эс-эров, выступавшего с резким протестом против политики террора, Баха, бывшего эс-эра, Карпинского, ученого «царского времени», а ныне председателя Академии Наук. Говорят, что все эти лица, по понятным причинам, отклоняют предложенную им честь, и прибавляют новейший советский анекдот об обвинении их во «вредительстве» за отказ «возглавлять оппозицию».

Все это, разумеется, лишь слухи и анекдоты, имеющие лишь весьма малую фактическую ценность. Но за мало серьезным дымом слухов и сообщений, расстилающимся по европейской печати, скрывается, несомненно, и весьма серьезный «огонь». Все говорит за то, что те внутренне- и внешне-политические обстоятельства, которые заставили год тому назад провозгласить «демократизацию», продолжают действовать и притом действовать с возрастающею силою. В тот самый момент, когда явная несовместимость «демократизации» с сохранением нынешнего режима почти уже единоличной диктатуры заставляет подумывать о похоронах этой самой «демократизации» по первому разряду и о замене ее теми формами «единения с народом», восторженным певцом которых выступил Бухарин, — в этот самый момент становится очевидным, что и простыми похоронами ее нельзя отделаться от раздражающих современный режим противоречий, нельзя разрешить те жизненные

проблемы, которые принудительно навязываются советскому правительству всем внутренне- и внешне-политическим положением. И снова, и снова начинаются мучительные поиски выхода, недоверенным и, вероятно, никаким отражением которых и являются всевозможные слухи и анекдоты.

Вопрос о политическом оформлении всего того громадного экономического, социального и культурного переворота, который пережит революционной страной годы нэпа и генеральной линии, не может уже быть с порядком дня. Искать его разрешения на путях, на которых и волки были бы сыты, и овцы целы, и единоличная диктатура не поколеблена, и элементы демократии введены в государственный и общественный обиход страны, значит биться над квадратурой круга. Речь идет конечно, не о молниеносной замене режима террористической диктатуры режимом «всесторонней демократизации», немедленно осуществляющей «все лучшее в развитии современных государств», как с порывом восторженного неопифа демократии вслух мечтал Молотов на прошлогоднем советском съезде. Речь идет лишь о том, что стоять на месте внутренний политический режим Советского Союза уже не может, что советское правительство, хочет оно того или не хочет, вынуждено решительно сдвинуть развитие этого режима — либо сторону окончательного закрепления личной диктатуры, в форме ли пожизненного консула Сталина или иных видов «бонапартизации», либо в сторону постепенной ликвидации этой диктатуры на путях последовательного введения элементов подлинной демократии в государственный и общественный строй революционной страны. Или — или. Выбор между этими двумя направлениями развития должен быть сделан и, вероятно, уже сделан не слишком отдаленном будущем, и выбор этот на долгие годы, быть может, на десятилетия предопределяет дальнейшие судьбы Советского Союза и русской революции.

Эти судьбы имеют самое жизненное значение не только для трудящихся масс самого Советского Союза, но и для всего международного пролетариата. Нам незначем еще раз указывать, в выборе какого направления кровно заинтересованы люди труда и в Советском Союзе, и во всем мире. И нам незначем еще напоминать о том, что дело сводится для этих людей не к пассивному ожиданию того выбора, какой будет сделан нынешними повелителями Советского Союза, а к упорной и активной борьбе за разрешение переживаемого ныне советской страной политического кризиса в духе последовательной демократизации режима, прежде всего — в духе раскрепощения и свободной самостоятельности политических, профессиональных и культурных организаций трудящихся.

Накануне пакта „коллективной безопасности“

Давно уже французская столица не видала такого блестящего дипломатического слета, как в последние дни. Короли болгарский и румынский, принц-регент Югославии, турецкий министр иностранных дел, румынский министр Титулеско, австрийский вице-канцлер Штаремберг и, наконец, Наркоминдел Советского Союза Литвинов, — все эти ответственные представители своих государств беседовали в Париже с новым министром иностранных дел Фланденом, а некоторые из них имели специальные аудиенции у президента Лебрана. Почти все эти дипломаты попали в Париж проез-

дом из Лондона, где опять-таки и притом непосредственно после похорон английского короля состоялся ряд высоко значительных дипломатических встреч и бесед в том числе аудиенция Литвинова у короля Эдуарда VIII-го и деловая встреча маршала Тухачевского с представителями английского генерального штаба.

О характере и направлении этой небывалой дипломатической активности можно получить более определенное представление, если отметить не только тот круг государств, который в Париже сейчас представлен, но и тот, который в нем отсутствует: в парижском

звездах не упоминаются имена ни германских, ни польских, ни японских дипломатов. (Особое положение заняла Венгрия: венгерский министр иностранных дел ее не почитил, правда, своим присутствием Париж, но, как заявляет официальное сообщение из Будапешта, в совершенно частном порядке, без всякой официальной миссии).

Если сопоставить со списками отсутствующих и присутствующих недавний визит Шушнига в Прагу, с одной стороны, и предстоящую ратификацию советско-французского договора, с другой стороны, то из этого можно сделать только одно заключение: парижские переговоры представляют собою новую и может быть решающую стадию в создании всеобъемлющей системы региональных пактов», образующих в своей совокупности ту «систему коллективной безопасности», которая в свое время была выдвинута в качестве цели французской политикой, и к которой, после гитлеровского переворота присоединилась и политика советского правительства. Вопрос о государственной независимости Австрии и в связи с этим — вопрос о дунайском блоке; проблемы балканского союза; средиземно-черноморское соглашение; «восточный пакт» и, наконец, — дальневосточно-тихоокеанские проблемы, играющие особенно видную роль в переговорах лондонских, — вот гамма проблем, которые, надо думать, подверглись весьма серьезному и практическому обсуждению за последние дни в Париже и Лондоне.

Если проследить на географической карте те новые видимые, но весьма реальные связи, которые создаются постановкой всех указанных проблем, то их можно легко локализовать: это линии военно-политической обороны, повернутые против двух наиболее вероятных очагов военной опасности — гитлеровской Германии в Европе, Японии — на Дальнем Востоке. Речь идет о создании «санитарного кордона» вокруг этих двух возможных агрессоров, о противопоставлении возможному японско-германскому (польско-венгерскому!) военному наступательному блоку оборонительного союза такой мощности и всесторонности, которые ранее и с полной очевидностью исключают всякую возможность успеха для нападающей стороны.

Вряд ли можно приписать простому случаю, что вся эта необычайная дипломатическая активность совпала с отставкой правительства Лавалея. Двусмысленная и двойственная политика Лавалея, не желавшая упустить ни одного козыря в сложной игре, всем подававшая надежды, ни с кем окончательно не порывавшая, ни с кем окончательно и не вступавшая в соглашение, — давно уже стала источником не только слабости Франции, но и полной неуверенности во всей международной политике Европы, что с наибольшей яркостью сказалось в зигзагообразной и слабой тактике Лиги Наций по отношению к фашистской Италии. Повидимому, сознание опасности такого рода колеблющейся политики, в особенности после постыдного провала проекта Лавалея-Хора, сыграло, наряду с факторами внутренней политики, немалую роль в той кампании, которая привела к смене кабинета во Франции и к повороту в ее внешней политике. Франко-советский договор, который в течение долгих месяцев безнадежно «маневровался» в комиссии, поставлен в порядок дня французской палаты в ближайшие же дни; параллельно с этим и явно в теснейшей связи с этим Фланден открыл серию бесед, о которых мы уже упоминали. Тяжеловесная дипломатическая машина сдвинулась с мертвой точки... Но совершенно очевидно, что тут не остается без влияния какое-то значительное изменение в политике Англии. Если в итало-абиссинском конфликте стимулирующим фактором была Англия, а тормозящим — лавалевская Франция, то во всех остальных

проблемах системы «коллективной безопасности» соотношение сторон было исторически прямо обратным: «островная» точка зрения, стремление не ангажироваться слишком в чисто-континентальных конфликтах диктовали английской политике крайнюю сдержанность и осторожность по отношению к французским планам, а подчас и толкали ее на такие шаги, как германско-английское морское соглашение прошлого года. Единственный вопрос, в котором Англия проявляла твердость, было «западное Локарно», т. е. вопрос о гарантии границ Франции и Бельгии против возможного нападения Германии. «Границы Англии лежат на Рейне» — это знаменитое заявление Болдвина, стоящее в явном противоречии с географией, довольно точно отражало политическую линию Англии. Но ни разу и нигде никто из ответственных английских политиков не пытался вносить аналогичных поправок в политическую географию восточной Европы или Азии, по отношению к Висле, Днестру или Амуру... Однако не о погоде же в Москве и вряд ли даже о советских достижениях в области «диамата» информировался Эдуард VIII в Литвинова и английский генеральный штаб у Тухачевского. Повидимому, непрекращающиеся воздушные и иные вооружения Германии и вызывающая политика Японии в Китае и Монголии заставили, наконец, и консервативное правительство Англии искать сближения с крупнейшей военной силой Евразии, с Сов. Союзом.

Но не должна ли эта усиленная дипломатически-военная активность крупнейших капиталистических держав вызывать законную тревогу у всех друзей мира, и прежде всего в рядах социалистического пролетариата, этого непримиримейшего врага милитаризма и войны? Не должно ли поведение советского правительства, явно втягивающегося в систему военно-политических соглашений с империалистическими странами, какими вне сомнения до сих пор остались Англия и Франция, вызывать протеста социалистов и коммунистов всего мира?

Нет сомнения, что еще 4-5 лет тому назад, когда в Германии существовала еще Веймарская республика, и германская социалдемократия была могущественным гарантом мира в Европе, когда у пролетариата была надежда добиться реальных шагов в направлении всеобщего разоружения или сокращения вооружений, — реакция международной социалистической ответственности была бы именно такова, как мы указывали. Но победа гитлеризма в Германии, все более отчетливо выясняющаяся картина возрождения нео-империализма и милитаризма в ее самой опасной, агрессивной и контр-революционной форме в самой промышленной стране европейского континента — коренным образом изменили всю международную ситуацию. А это само собою разумеется не могло остаться без влияния и на настроение и политику рабочего класса во всем мире.

Международный социализм попрежнему с величайшим недоверием и величайшим скептицизмом относится к «миролюбивым» заявлениям милитаристов и пушечных фабрикантов всех стран. Он знает, с какой легкостью и бессовестностью эти круги, при поддержке международной спекуляции и продажной прессы, создают панику, изобретают предлоги для новых вооружений и употребляют во зло законное стремление народов к безопасности. Но при всей ненависти пролетариата к милитаризму и всему, что с ним связано, он не может, не вправе при настоящих условиях, когда война из отдаленной теоретической возможности все больше грозит превратиться в реальную и близкую опасность, пренебречь и теми гарантиями мира, которые способны дать мероприятия капиталистических государств, хотя бы ему была абсолютно ясна их весьма относительная ценность, и хотя бы он не имел ника-

ких иллюзий относительно тех далеко не всегда почтенных мотивов, которые диктуют государствам-победителям, «сатурированным» в результате грабительских договоров, их политику статус-кво и нежелания новой войны.

Система договоров, в которых на равных правах участвуют и ряд демократических государств, миролюбие которых не может быть подвергнуто сомнению (как Чехословакия), и Советский Союз, система взаимной поддержки против непровоцированной агрессии, строго ограниченная оборонительными целями и стоящая под контролем Лиги Наций и общественного мнения, может при данных условиях оказаться пригодным средством для предотвращения войны, т. е. реальным инструментом мира.

Вот почему, думается нам, международный социализм, при всем своем сдержанном отношении к пактам, заключаемым капиталистическими правительствами, встретит систему «коллективного страхования» против фашистской агрессии — если таковая действительно создастся — с чувством облегчения.

Нет сомнения, что заключение такой системы пактов будет не только выигрышем для Советского Союза, стоящего в центре возможной агрессии и в Европе, и в Азии, но и до известной степени и успехом для соз. правительства. Но такие внешне-политические успехи имеют свойство, как показал опыт, кружить головы нашим правителям. Упоенное своими «победами» над капиталистическим миром (которые в действительности означают все растущую зависимость от этого мира!), Политбюро имеет тенденцию в таких случаях все больше эмансипироваться от настроений и чаяний европейского (и русского) пролетариата. Может быть, уже одно предвкушение грядущих успехов в области военных и дипломатических союзов побудило Сталина отодвинуть далеко на задний план все, что связано с действительным осуществлением единого фронта в междуна-

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“

за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ . . . . Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов
В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене 100 фр. за том

родном и советском масштабе. Может быть, именно этим объясняется странный поворот в тактике французских коммунистов, вдруг переставших торопиться с объединением; может быть, в этом объяснение того, почему фактически сданы в архив все проекты демократизации советов, и почему новой волной нарастает в России террор против социалистов.

Но, став на этот путь, Сталин во сто крат усиливал все опасности, которые, как мы указали выше, связаны с политикой «пактов» и военных союзов. Только пролетарская бдительность и пролетарское единство могут быть действительным коррективом к этим вынужденным компромиссам. Но тактика раскола и террора делают немислимым и невозможным взаимное сближение пролетарских масс и выпрямление линии самой русской революции.

Уже не в первый раз пагубная внутренняя политика большевистской диктатуры грозит свести на нет внешнеполитические достижения революционной России.

Р. Абрамович

ПУТИ РАБОЧЕГО ЕДИНСТВА

Восстановление единства профессиональной организации во Франции вступило в свой заключительный фазис: назначенный на начало марта съезд должен окончательно ликвидировать 15-летний раскол. Это знаменательное и радостное событие не может не отразиться и на судьбах политической организации французского пролетариата. Раскол профессионального движения был в свое время прямым последствием распада политической организации на две резко враждовавшие между собою партии. Сближение между партиями, начавшееся два года тому назад, дало толчок завершающему ныне воссоединению профессиональных организаций. Их воссоединение, в свою очередь, не может не создать более благоприятных условий для борьбы за полную ликвидацию и политического раскола. Это и не может быть иначе: несмотря на догмат о полной независимости профессионального движения от движения политического, составляющий традицию французского синдикализма и целиком воспринятый и возрождающеюся из развалин раскола единой Генеральной Конфедерацией Труда, все отрасли пролетарского движения на деле связаны между собою узами общих классовых интересов и общей классовой солидарности, узами, гораздо более «органическими» и неистребимыми, чем любая формальная связь.

Но, если восстановление профессионального единства открывает новые и благоприятные перспективы для восстановления единства и политического, то все же нельзя не видеть, что сейчас, т. е. именно в мо-

мент высшего торжества идеи единства в профессиональной сфере, в сфере политическом движении к единству переживает некоторую заминку, если угодно, «кризис».

Назревание этого «кризиса» было очевидно всякому внимательному читателю «Юманитэ», центрального органа французской коммунистической партии. «Юманитэ» всегда более подробно, более непринужденно и, сто, можно сказать, полемически-несдержанно обсуждала все те вопросы, по которым существует расхождение между социалистами и коммунистами, чем «Популяр», руководитель которого, Леон Блюм, отказывался «подробно анализировать (высказывания коммунистов. Ф. Д.) и отвечать полемикой на полемикой», полагая, что это может только повредить делу единства «если хотеть единства, то создание атмосферы единства гораздо важнее взвешивания формул единства» («Поп.», 10.1.36).

Но за последние месяцы «Юманитэ» начала все настойчивее проводить идею, что будущая «объединенная» партия, по своей программе, тактике и организации, может и должна быть ничем иным, как партией коммунистической, разросшейся путем поглощения социалистической организации. Эта тенденция особенно ярко сказалась в воспроизведении на страницах «Юманитэ» (9 марта) той «хартии единства», которая была опубликована коммунистами чуть не год тому назад (29 мая 1935 г.) в день открытия Мюльгаузенского съезда французской социалистической партии. С

Госбюджет 1936-го года

В проекте госбюджета 1936 года получили некоторое отражение и громадный рост народного хозяйства и социально-экономические передвижки, происшедшие за последний год в Советском Союзе. Приходный бюджет за последний год вырос почти на 20%: вместо 65,9 млрд. руб. в росписи 1935 г., на 1936 г. предполагается получить 78,7 млрд. р. Столь астрономические а б с о л ю т н ы е цифры объясняются отчасти инфляционным характером совет. рубля, а отчасти тем, что бюджет СССР с каждым годом все более охватывает финансовое хозяйство страны. Но темп возрастания за последний год, когда стоимость рубля несколько укрепилась, объясняется раньше всего очень быстрым ростом всех элементов народного хозяйства СССР. При этом следует отметить, что размеры советских бюджетов за последние годы совсем не фикция. Финансовое ведомство СССР научилось искусству составления бюджетов и овладело техникой взимания намеченных налогов. Отчеты по исполнению бюджетов на 1933, 1934 и 1935 гг. очень мало отличаются от проектов, и недополучения и перерасходы в советских бюджетах сейчас меньше, чем в практике большинства более зрелых европейских стран. Как и в прошлом году государство в 1936 году перераспределяет через аппарат госбюджета свыше 90% всего народного дохода.

Основным источником дохода являются доходы «от общественного хозяйства». По этим статьям намечается получение 71,1 млрд. руб., т. е. свыше 90% всего приходного бюджета. Остальные 10% предполагается получить займами (3,9 млрд. руб.), прямыми налогами (2,1 млрд. руб.), таможенными (0,8 млрд. руб.) и проч. сборами. Под названием «доход от общественного хозяйства» — фигурируют в советском бюд-

жете все доходы, получаемые от государственного хозяйства.

Советское государство получает от хозяйственных организаций доход двумя основными методами: в виде отчислений от прибылей хозяйственных организаций (прямые отчисления и так наз. непере-к л а д ы в а е м ы е налоги: подоходный налог с промышл. и торгпредприятий, колхозов, совхозов и пр.) и в форме налога с оборота, налога, который в полной мере по воле законодателя перекладывается на население.

Отчислениями государство предполагает получить от хозяйственных организаций в 1936 году 8,4 млрд. руб. Если же учесть, что одновременно государство ассигнует по расходным статьям бюджета разным хозяйственным организациям, в том числе и тем, которые значатся в числе отчисляющих доход, — 37,6 млрд. руб., то будет ясно, что методами отчисления советское государство дохода от хозяйственных организаций не имеет. Как мы видим, задача финансирования расходных статей бюджета падает на другой вид дохода: на налог с оборота. Все расходы по управлению, по обороне, по социально-культурным нуждам и в значительной мере и расходы по хозяйственному строительству покрываются именно налогом с оборота.

Если очистить приходный бюджет от оборотных статей (значущихся и в приходе и в расходе), то он выразится на 1936-ой год лишь в 68 млрд. рублей, из этой суммы 62 млрд. рублей получают налогом с оборота, а остальные 6 млрд. рублей — займами, сельско-хоз. налогом и сборами на культурное и жилищное строительство. Налог с оборота является в СССР основным и универсальным на-

пор прошло много времени. С тех пор непрерывно работала и работает «комиссия объединения», имеющая перед собою различные проекты «хартий», стремящаяся согласовать их и выработать текст, приемлемый для всех партий (в комиссии участвуют и «юпиисты», так наз. партия рабочего единства). «Каков же смысл нового опубликования?», спрашивает Блюм в упомянутой статье. «Еще менее объяснимыми» представляются ему редакционные комментарии, которыми «Юманитэ» сопровождает опубликование. И Блюм заявляет по этому случаю, что «не видит никакого неудобства, наоборот лишь пользу в том, чтобы повторить на сей раз публично то, что он неоднократно говорил товарищам-коммунистам с глазу на глаз», а именно: их «хартия не является приемлемой базой для соглашения... Потому что это — не хартия объединенной партии, а хартия партии коммунистической. Таков ее очевидный и при этом сознательно и намеренно приданный ей характер». Между тем действительное единство «не может сводиться к организационному или программному поглощению одною из двух партий другой. Оно будет и не может быть ничем иным, как слиянием, т. е. созданием единой партии», столь же отличной от составных элементов ее, как металлический сплав отличается от входящих в него металлов... Такое единство, единственно настоящее, единственно возможное, социалистическая партия горячо призывает. Н и к а к о г о д р у г о г о н а н е п р и м е т и н е д а с т с е б е н а в ы а т ь» (разрядка моя. Ф. Д.).

Надо думать, что положение стало достаточно напряженным, если Леон Блюм увидел себя вынужденным именно тогда, когда намечался уже, казалось, переход

от «единства действий» к «организационному единству», нарушить «линию поведения, которой он следовал доныне» и которой «хочет остаться верен» и впредь, и с такою определенностью публично указать коммунистам на опасность их образа действий для дальнейших судеб движения к единству. Но что же означает эта внезапная остановка движения, так счастливо, казалось, развивавшегося до сих пор? Чем она вызвана? Какие проблемы она выдвигает? Какое значение имеет для конечных перспектив рабочего единства?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо, прежде всего, вернуться к истокам движения, отдать себе ясный отчет в тех факторах, которые его породили и определяли его ход.

**

Для профессионально организованного пролетариата тяга к единству была порождена прежде всего тем кризисом, в котором вот уже сколько лет бьется мировой капитализм. В обстановке этого кризиса сама собою навязывалась мысль, что только сплочение всех организованных сил без остатка может дать рабочим возможность — не то что делать новые завоевания, но хотя бы с надеждою на успех бороться за сохранение достигнутого ранее уровня жизни, а то даже и за предотвращение катастрофического падения его. И в этой же обстановке и в коммунистических (унитарных) профсоюзах неизбежно должно было расти сознание, что профсоюзы не только «школа коммунизма», что стачка не просто «революционная гимнастика», которую следует повторять как можно чаще и длить как

логом. Советская власть, полновластный хозяин над всем производством и распределением страны, после опыта ряда лет пришла к выводу, что дешевле и вернее извлекать у населения средства, не «налоговым пресом», а «механизмом цен». До 1930 г. советская власть сочетала оба эти метода, но очень скоро пришла к выводу, что целесообразнее налоговый метод свести к минимуму, получение же доходов через механизм цен решено было реформировать, точно регламентировав размеры «наценок», идущих в кассу государства. Особое значение универсальный налог с оборота получил с прошлого года, когда государство, отменив карточную систему, разрешило открытую продажу всех продуктов, сохранив за собой монопольное право на осуществление этой продажи. Эта реформа дала в руки государства громадные миллиардные средства. По данным бюджета на одних хлебопродуктах (хлеб, крупа, макаронны и пр.) государство предполагает получить в 1936 г. налогом с оборота 21,2 млрд. руб. По официальным данным Народного Комиссариата Финансов размеры накидок на хлеб в 1935 году достигали в среднем 75% от продажной цены хлеба. Инструкция Наркомфина требует, чтобы с каждого центнера зерна в бюджет поступало от 65 до 120 рублей, в зависимости от района, с центнера муки — от 220 до 350 руб., с центнера пшеницы — от 400 до 450 руб. и т. д. К 1936 году цены на хлебные продукты понизились на 25-30%, размеры же накидок для оплаты налога с оборота понижены лишь на 10-12%. Таким образом, по самому основному, насущнейшему продукту питания — хлебу — потребитель в СССР, как бы мал ни был его заработок, автоматически уплачивает государству очень высокий, необычный ни для одного буржуазного государства, косвенный налог.

Налогом на оборот обложены все наиболее важные продукты питания: масло, мясо, сахар, соль, консервы, чай, кофе, дрожжи, конди-

терские изделия. Этим же налогом обложены и необходимейшие предметы широкого потребления: мануфактура, керосин, обувь, мыло, трикотаж и т. п. Громадный доход получает государство и налогом на спирт. В 1936 году свыше 1 млрд. руб. Небесполезно будет напомнить, что в 1926 налог на спирт давал лишь 150 млн. руб.

Нельзя возражать против того, что советское государство делает при продаже продуктов госуд. предприятий накладки для покрытия расходных статей госбюджета. Этот метод при некоторых условиях может быть более целесообразен, чем метод налогового обложения. Но основное условие, которое к нему должны предъявлять представители рабочих партий, чтобы законодатель умело выбрал круг продуктов, облагаемых налогом, и правильно с социальной точки зрения установил размер и градацию этих накидок. Отрицательной стороны советского налога с оборота именно в том, и по размерам акциза, и по выбору предметов обложения он в максимальной мере обладает всеми отрицательными качествами, которые имеют косвенные налоги буржуазных стран. Он особенно антисоциален сейчас, когда в СССР распределение продуктов по классам ликвидировано и когда материальное расслоение получило довольно широкие размеры.

Как мы показали уже выше, большинство хозяйственных организаций, если отвлечься от налога на оборот, дают весьма призрачные доходы. Даже Наркомвнешторг, несмотря на монополию внешней торговли, согласно бюджету, принесет в 1936 году 7,5 млн. руб. убытка.

Доходы от займов в этом году дадут брутто 1,2 млрд. руб., а нетто всего 1,2 млрд. руб., так как расходы по займам в этом году равны 2,7 млрд. руб. Несколько уменьшен в этом году с-х. налог с колхозников и единоличников (650 млн. руб.), что объясняется сменением политики в отношении крестьян.

можно дольше, а что «профессиональные» задачи, задачи борьбы за «частичные» требования рабочих, за сохранение их жизненного уровня, имеют громадную самодовлеющую ценность, и что лишь на почве серьезного осуществления этих задач может профессиональное движение играть роль орудия и социально-революционного воспитания рабочих масс. Таким образом, одновременно с ростом тяги к единству, сознанием его необходимости создавались идеологические предпосылки, сближавшие между собою разорванные части французского профессионального движения и делавшие восстановление единства практически возможным. И все-же дело профессионального единства сдвинулось с мертвой точки лишь тогда, когда в порядок дня встал вопрос о преодолении политического раскола французского пролетариата. Этот факт еще раз напомнил и подтвердил, что действительные причины раскола с самого начала коренились именно в сфере «политики».

Но что же разбудило тягу к политическому единству в организованных рабочих массах, социалистических и коммунистических одинаково? Ответ напрашивается сам собой: фашистская опасность. Это верно не только для Франции, где возникновение движения к единству непосредственно связано с первым активным выступлением фашистских «лиг» 6 февраля 1934 г. Везде, где движение к единству приобрело некоторый размах и стало выражением массовых настроений и массовой воли, — в Австрии, Италии, Испании, Германии — оно родилось из потребностей борьбы рабочего класса против победившего фашизма или против угрожающей фашистской контр-революции. Та-

ким образом, движение это возникло, как историческая необходимость, из собственного опыта пролетариата различных стран. Там, где этот опыт еще недостаточен, где фашистская опасность еще ощущается рабочими массами, как их собственная проблема, сама собою вытекающая из задач и условий собственного движения, где значение этой опасности может быть пока усвоено массами лишь, так сказать «теоретически», — там движение это еще не вышло из стадии пропагандистской работы тех передовых «идеологов» рабочего класса, обобщающая мысль которых за сегодняшним благополучием провидит уже нарастающую завтрашнюю опасность. И, быть может, лишь — если не сама война, то крайнее сгущение военной угрозы создаст и в странах, изнутри фашизма пока как будто не угрожаемых, положение, при котором рабочие массы и этих стран почувствуют проблему фашизма, как проблему их собственного движения, и сделают все следующие отсюда выводы.

Но там, где собственный опыт рабочих масс пробудил в них тягу к единству, там тот-же опыт создает идейно-политические предпосылки, делающие осуществление политического единства возможным. Пример не только Франции, но и всех стран, где движение к единству пустило прочные корни, воочию обнаруживает не только крутой поворот, можно сказать — переворот большевистской тактики. Он показывает несомненный сдвиг и социалистических партий тех позиций реформистско-демократического догматизма, которые были господствующими в Социалистическом Интернационале за последнее десятилетие. На наших глазах возникает в самой практике организован-

Весьма симптоматичны и изменения, намеченные на предстоящий год в расходной части бюджета. Во-первых, уменьшена доля, идущая на нужды народного хозяйства: в прошлом году 53,5%, а в этом году 48,5% всего бюджета. Во-вторых, сильно возросла доля расходов на оборону: в прошлом году 10%, а в этом году 19,5%. В-третьих, существенно возросла доля, ассигнуемая на нужды социально-культурные: она увеличилась почти в полтора раза. В 1925 г. 4,8 млрд. руб., а в 1936 г. — 6,5 млрд. руб. При этом следует учесть, что значительная часть расходов на социально-культурные нужды проходит не по единому государственному бюджету, а по местным бюджетам. Всего по сводному бюджету (государственный и местные) в прошлом году было ассигновано на культурные нужды 14,4 млрд. руб., а в этом году — 21,3 млрд. рублей.

На нужды народного хозяйства ассигновано в этом году 37,5 млрд. руб. (в прошлом году — 35,1 млрд. р.), из которых 32,5 млрд. руб. пойдут на цели капитальных вложений. И внутри народного хозяйства наметились, хотя и в слабой мере, некоторые изменения. Во-первых, ассигновки на нужды индустрии несколько уменьшены: в 1935 г. 15,3 млрд. руб., а в 1936 году 14,0 млрд. руб., несколько увеличены ассигновки на сельское хозяйство (1935 г. — 7,1, 1936 г. — 7,7 млрд. руб.) и сильно увеличены (почти на 30%) ассигновки на все виды транспорта (1936 г. — 7,9 млрд. р.). Во-вторых, вложения в тяжелую индустрию уменьшены, а в легкую и пищевую увеличены по сравнению с прошлым годом. Это впервые за весь период индустриализации! Расходы на оборону возросли в 1936 г., как мы указали выше, почти вдвое, даже если не учитывать те громадные суммы, которые расходуются на военные цели по ведомствам индустрии, транспорта и гражданской авиации. Необходимость обороны Советского Союза в связи со все уси-

ливающейся угрозой на Дальнем Востоке и западном фронте вынуждают советскую власть к повышению расходов на оборону страны. Но для правильного понимания экономических и социальных условий современной России не следует преуменьшать ту тяжесть, которую уже сейчас несет население на нужды военной защиты. Если очистить расходный советский бюджет от статей, идущих на народное хозяйство и являющихся специфической чертой советского бюджета, то расходы на оборону возрастут до 36% всего бюджета, что превышает расходы на военные нужды Франции, Германии и приближается к расходам Японии (42% всего бюджета).

В области культурной значительно увеличены все ассигновки на капитальное строительство: на постройку школ, больниц, санаторий, яслей, рабочих клубов и пр. По отношению к расходным статьям единого бюджета СССР, без учета расходов на народное хозяйство, доля, идущая на культурные цели, равняется 15,8%, а по отношению ко всему сводному бюджету повышается до 24%.

Ассигновки по бюджету на государственный аппарат управления в этом году остались на том же уровне, что в прошлом (около 1 млрд. руб.). Лишь значительно повышены особо выделенные ассигновки на нужды Наркомвнудела (куда входит и аппарат ГПУ): свыше 2 млрд. руб. Попрежнему свыше миллиарда предоставлено в распоряжение резервных фондов Совнаркома.

Положительной чертой бюджета является значительное увеличение отчислений на нужды местных бюджетов: в прошлом году 9 млрд. руб., в 1936 г. — 12,4 млрд. руб. Целый ряд местных налогов остается в распоряжении местных административных единиц и распределяется их бюджетами.

Естественная потребность сравнить тяжесть обложения различных слоев населения в СССР

го рабочего движения тот идейно-политический синтез, тот «сплав», который только и может подвести прочный фундамент под объединенную политическую партию пролетариата.

Происхождение движения к единству из недр и из собственных потребностей массового рабочего движения — повторяем: социалистического и коммунистического одинаково! — исключает всякую возможность трактовать это движение, как навязанное извне или являющееся плодом большевистского «маневра». Его глубокие, массовые корни не позволяют в то же время считать нынешнюю заминку его преддверием окончательного срыва, заставляют смотреть на нее лишь как на один из фазисов самого движения, лишь как на одно из тех падений, сменяющихся новыми взлетами, которые ему придется, быть может, еще не раз переживать на пути к осуществлению заветной цели. Но тем настоятельнее встает перед теми социалистами, которые основную задачу свою в данный момент видят в «облегчении мук родов» единства, необходимость отдать себе ясный отчет в причинах, замедляющих решение этой задачи и вызывающих досадные остановки в осуществлении исторически необходимой и возможной цели.

Если движение к единству возникло из недр самих рабочих масс, то это не значит, что элементы «маневра» в нем совершенно отсутствуют. Эти элементы были, несомненно, внесены в него советской диктатурой и теми коммунистическими «вождями», ко-

торые, через приводные ремни Коминтерна, являются исполнителями ее указаний*).

Основной причиной крутого тактического поворота коммунистических «вождей» было, разумеется, то давление коммунистических рабочих масс, с которым вожди не могли не считаться, если не хотели растерять свою армию. Но, если этот поворот совершился так молниеносно-быстро и так безболезненно, то только потому, что этот поворот диктовался и политическими интересами советской диктатуры, прежде всего, интересами ее внешней политики. Угрожаемый все нарастающей военной опасностью со стороны германского национализма и воинствующего японского империализма, Советский Союз вынужден был искать средств самозащиты в «системе коллективной безопасности», во вступлении в Лигу Наций, покинутую его антагонистами, в «региональных пактах», этой современной форме военных союзов. С точки зрения этой политики самозащиты первостепенную важность приобрело усиление пролетарского сопротивления правительствам тех стран,

*) Я отнюдь не имею в виду придавать в данном случае слову «маневр» однозвучный смысл. «Маневр» — это стремление «использовать» движение для достижения целей, которые само это движение себе не ставит или еще не ставит. Субъективно это стремление может быть, разумеется, продиктовано самым искренним желанием послужить «подлинным» интересам рабочих масс, ими самими еще не сознаваемым, восполнить их «неразумие» своим собственным «разумом» и облагодетельствовать их за их спиной. Объективно дело сводится всегда к превращению «несознательных» масс в орудие тех, кто считает себя воплощением классовой «сознательности». Вряд ли надо напоминать, что такие методы «использования» вытекают из самых принципов большевизма.

и других странах, к сожалению, не может быть удовлетворена и потому, что структура советского бюджета совершенно несхожа с другими странами и, главным образом, потому, что советский бюджет исчисляется в ценах текущего года, а никаких серьезно обоснованных индексов падения ценности сов. рубля за 1934 или 1935 годы, не существует. Мы проанализировали ряд попыток некоторых не-советских экономистов «приспособить» советский бюджет для возможности его сравнения с европейскими бюджетами, но, по нашему мнению, эти попытки отражают лишь субъективные настроения критиков, но очень мало дают для понимания социальной сущности советского бюджета.

При этом следует помнить, что, как ни универсален советский бюджет, однако, он не отражает действительных финансовых взаимоотношений между населением и государством. Значительная часть налоговых тягот уплачивается в СССР основной массой населения — крестьянством не в денежной форме, а в форме натуральной. Основную государственную

повинность крестьянство несет вне бюджета, в первых стадиях образования товарного фонда, при реализации которого государство взимает налоги на оборот. Государство берет у крестьянства значительную часть его продукции по ценам баснословно низким, а продает по ценам в 10 и 15 раз более высоким. Так напр., крестьянство получает за хлеб от государства по 7-12 коп., за тот самый хлеб, который государство потом продает по 80-120 коп. за кило.

Бюджет 1936 г. несомненно отражает громадный рост государственного хозяйства СССР. В нем в сравнительно малой мере наметились и некоторые тенденции перемещения устремлений государства от финансирования индустриализации к обеспечению потребительских нужд широких слоев населения. Но он попрежнему в полной мере построен на анти-социальном принципе высокого обложения насущнейших потребностей широких, в том числе и малообеспеченных, масс населения.

А. Югов.

ПАРТИННАЯ ТРИБУНА

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ.

(О внешней политике Интернационала).

Военные тезисы Бауэра, Дана, Дюнуа и Жиромского, равно как и тезисы нашей Заграничной Делегации, ставят во весь рост проблему внешней политики социалистических партий. Ставят, но не разрешают, хотя по существу и исходят из определенных представлений о задачах пролетариата в области международных отношений. Конкретизация этих представлений диктуется с повелительной необходимостью. Нельзя ограничиться намечением тактики на случай войны. Не подготовленная в период, предшествующий войне, самая выдержанная тактика останется на бумаге. Опыт мировой войны показал, как мало помогают решения Интернационала, не вытекающие из непосредственных будней движения.

Международное положение становится все более и более тревожным. Нет нужды подробно его анализировать, чтобы прийти к выводу, что главным источником опасности войны в Европе является нац.-соц. Германия. Гитлеризму имманентно стремление к господству над миром. До поры до времени интернационал-социалисты предпочитают действовать тихой сапой. Имея преимущества перед несколько громоздким аппаратом демократических государств, Германия лавирует, избегает неизбежно возникающие противоречия в лагере противников и, опираясь на свои огромные технические и экономические ресурсы, подрывает влияние нынешних гегемонов Европы. Ее влияние дает себя чувствовать не только в Польше, но и на Балканском полуострове и в Прибалтике. Многоговорящее молчание Германии со времени начала итало-абиссинского конфликта, таинственное протягивание

откуда идет военная гроза, усиление пролетарского давления на внешнюю политику тех правительств, которые могут встретить эту грозу в одних рядах с Советским Союзом. «Единый фронт» должен был стать могучим орудием «защиты Советского Союза».

Тезисы З. Д. о войне не оставляют никакого сомнения в том, что самую активную защиту Советского Союза наша партия считает соответствующей жизненным интересам мирового пролетариата. Но эта мысль далеко еще не стала достоянием не только рядовой рабочей массы, но и организованных отрядов ее. За идею активной защиты Советского Союза, да еще теми методами, которые станут неизбежными, «если война все-же вспыхнет», надо еще долго и упорно бороться. Эта идея не только не навязывается еще сознанию рабочих масс их собственным опытом, но натывается на тот абсолютный пацифизм, который явился психологическим порождением уроков последней мировой войны. Поэтому стремление большевистской диктатуры и коммунистических вождей сделать «защиту Советского Союза» основным стержнем движения к единству играло на деле роль тормоза этого движения каждый раз, как из сферы пропаганды «лозунга», охотно воспринимавшегося массами в чисто сентиментальном разрезе, оно превращалось в попытку на практике подчинить движение этой задаче, отодвигая на второй план его собственные проблемы и задачи. Такие попытки вызвали с самого начала настороженное отношение к самому движению единства и даже прямое сопротивление не только на правом крыле и в центре социалистической партии, но и на ее левом крыле (Мар-

со Пивер), более того — в рядах самой коммунистической партии и, особенно, коммунистической молодежи.

И дело тут не только в психологическом отталкивании от идеи активной, т. е. военной защиты Советского Союза, но еще больше в тех практических последствиях, которые вытекали из попыток «использования» движения к единству в интересах внешней политики советского правительства. В политике этой — соответственно всему характеру большевистской диктатуры в нынешнем фазисе ее развития — мотивы пролетарских революционных переплетаются с мотивами национально-государственного порядка, и эти последние мотивы получают подчас даже преобладание, придавая не только лозунгу «защиты Советского Союза», но и всей внешне-политической позиции руководящихся этим лозунгом коммунистических вождей «бургфриденский» характер. Всем памятна та величайшая растерянность, которая была внесена именно в коммунистические ряды пресловутым собеседованием Сталина с Лавалем и которая и по-сейчас еще дает себя знать. У всех перед глазами настойчивые попытки французских коммунистов охватить рамками «народного фронта» и явно реакционные и даже фашистские организации, борьба с которыми в глазах рабочей массы и является ведь главным аргументом в пользу этого фронта. Невозможно не видеть и более чем двусмысленного характера тех платформ, на которых пытаются сколотить «народный фронт» германские коммунисты, и тех социально-политических групп, которые они стараются в этот фронт вовлечь. Все такого рода «маневры», объясняемые и оправдываемые с точки зрения националь-

шупальцев на Дальний Восток и через Альпы позволяют догадываться, что предстоит Европе в тот момент, когда германский генеральный штаб сочтет вооружение Германии законченным.

Стремление к окончательной ликвидации Версальского мира и к выходу за нынешние пределы имперской границы — словом, внешнеполитические успехи нужны гитлеризму и с точки зрения внутренней политики. Ничто так не цементирует немецкий фашизм, как достижения на арене международных отношений. Возвращение Саарской области, введение всеобщей воинской повинности отозвались похоронным звоном в сердцах всех немецких антифашистов. В самом деле, разве существует лучшее подтверждение правильности программы наци, чем наглядная иллюстрация успешности метода «прямого действия»? Носители Веймарской республики проповедывали долгие годы умеренность и осторожность. «Иначе займут Рур», «иначе Польша ворвется в Познань», — твердили они. И вот оказалось достаточным приди к власти Гитлеру, чтобы все изменилось как по маговому волшебной палочки. Недооценивать гипнотического влияния внешнеполитических достижений н.-с. на воображении широких народных масс в Германии — близоруко. Достижения эти вызывают настроение безнаказанности, создают атмосферу опьянения, в которой легче легкого толкнуть народные массы на военные авантюры.

Внешнеполитические успехи германского фашизма несут с собой двоякого рода опасность: увековечения господства национал-социализма в Германии и опасность подчинения Европы самому подлому из всех существовавших доселе режимов реакции. С превращением н.-с. Германии в руководящую европейскую державу, международный пролетариат окажется отброшенным на десятилетия назад, фашизм станет в самом деле «эпохой» и близость рабочих партий к достижению конечной цели, характеризующая современное положение в ряде стран, превратится в свою полную противоположность. В истории часто бывало, что в силу внутренне-политических причин определенные страны становились олицетворением и носителем реакции. Еще недавно такую роль играла Россия. Ныне «жандармом» Европы стала Германия. Отсюда вытекает основная задача внешней политики социалистических партий и РСИ: **недопущение успехов гитлеровцев в области международных отношений.**

В тиши Германия подготавливает вылазки на многих участках. Речь идет об осуществлении аншлюсса, о Мемеле, о Данциге, о формальном уничтожении демилитаризованной зоны в первую очередь, под флагом требования более справед-

ливого распределения источников сырья, о возвращении Германии отобранных у нее в результате последней войны колоний. Вряд ли национал-социалисты окажутся настолько неблагодарными, чтобы сразу же вернуться в пределы русской территории. Гораздо вероятнее, что они предпочтут пойти по линии наименьшего сопротивления и, играя на весьма распространенном и обоснованном убеждении о несправедливости Версальского договора, попытаются в первую очередь воспользоваться ошибками держав-победительниц, совершенными последними в 1918 г. Всей силой имеющегося в его распоряжении влияния на общественное мнение международный социализм должен противопоставить ревизионистским устремлениям германской политики свое решительное veto. Не смущаясь **видимости** консервативной роли, выпадающей при этом на его долю, международный социализм должен выступить противником аргументов от справедливости и от исторической неизбежности пересмотра Версальского договора, всплывших теперь, когда «справедливость» и «историческая неизбежность» опираются на танки и на моторизованные дивизии рейхсвера.

Действуя подобным образом, рабочие партии и РСИ сыграют в действительности не консервативную, а революционную роль. Нет ничего прогрессивнее, как затруднить, а тем более сделать невозможным консолидацию фашизма в Германии и распространение его владычества над Европой. РСИ, несмотря на отдельные ошибочные шаги, никогда не выступал застрельщиком Версальского договора. Он и сейчас не станет сеять в массах иллюзий насчет подлинного характера дитя Клемансо и не будет скрывать необходимости его пересмотра. Но королевский подарок — как выразился Блюм, — ликвидации несправедливых сторон Версальского мира, в котором отказывали свободной германской республике, он не преподнесет душителям немецкого народа. И пусть нас не смущают упреки в отказе от священных принципов. Если мы можем чему-либо поучиться у наших противников, так это умению в 24 часа менять тактику в зависимости от новых обстоятельств. Лучший пример такого приспособления к изменившимся условиям дала австрийская социалдемократия, отказавшаяся тотчас же после переворота в Германии от освященного революционной традицией требования об объединении немцев с австрийцами.

Борьба за недопущение внешнеполитических успехов национал-социалистов, борьба, наносящая тяжелый удар самой системе террористической диктатуры, царящей ныне в Германии, есть ничто иное, как **борьба за мир.** Тем самым как бы чисто негативные задачи рабочих партий и РСИ приобрета-

го государственной политики советского правительства, плохо вяжутся и вступают в конфликт с теми линиями классово-пролетарской политики, которые лежат в основе движения к единству, а потому тормозят и самое это движение.

Но мало того. «Маневренная» политика единства неизбежно ставит весь ход движения в зависимость от тех зигзагов не только внешней, но и внутренней политики диктатуры, которые неразрывно связаны с тем крайне трудным и во многих отношениях противоречивым положением, в котором эта диктатура на данном этапе своего развития находится.

***

На международной арене большевистская диктатура пользуется для организации защиты Советского Союза двумя факторами: подготовкой коалиции держав, которые смогут совместно с нею дать отпор гитлеровскому или японскому нападению, с одной стороны, организацией международно-пролетарского сплочения, готового взять на себя эту защиту, с другой. Первый фактор диктует ей политику «пактов», второй — политику рабочего единства. Но между обоими этими факторами нет обязательного параллелизма развития. Наоборот, если один из них действует с возрастающим успехом, то является возможность несколько ослабить применение другого, — поскольку то требуется соображениями уже не внешней, а внутренней политики большевистской диктатуры.

Не нужно, конечно, доказывать, что внешняя и внутренняя политика слишком определенно обуславливают друг друга, чтобы протекать совершенно независимо одна от другой. Политика сближения с правительствами стран предполагаемой анти-гитлеровской коалиции и непосредственно, и косвенно нашла несомненное отражение в актах внутренней политики советского правительства. В связи с ней следует поставить не только коренное изменение методов советской дипломатии и «европеизацию» всего внешнего стиля советской жизни, не только реформу армии (чины!), но и ряд мероприятий в области крестьянской политики, имеющих целью обеспечить на случай войны надежность и тыла, и тех пополнений, которые будут вливаться в армию. Но и политика единого фронта оказала существенное влияние на ход внутри-политической жизни Советского Союза. Не говоря уже об изменении тона советской печати по отношению к международной социалдемократии и международному свободному профдвижению и о совершенно новом подборе тех «лозунгов», которые диктатура публикует по торжественным случаям и которые служат директивой для ее бесчисленных агитаторов и пропагандистов по всей стране, за счет единого фронта следует в значительной мере отнестись к провозглашению «демократизации», которое было сделано год тому назад, и те сенсационные речи, которые были произнесены в честь демократии на 7 конгрессе Коминтерна.

Однако, именно эти внутренне-политические последствия единого фронта оказались не совсем удобными для большевистской диктатуры, когда от обещаний «демократизации» пришлось переходить к ее осуществлению.

ют конструктивный характер. Конечно, если видеть в национал-социализме главным образом реакцию оскорбленного национального чувства порабоженного народа, то нетрудно склониться к уступкам «справедливым» требованиям Германии, в надежде успокоить немецкие народные массы и выбить таким путем главное оружие из рук гитлеровских демагогов. Но такой подход неверен не столько потому, что он переоценивает национальный момент в германском фашизме (по этому вопросу мыслимы различные взгляды), сколько потому, что он заменяет реально существующее явление национал-социализма одним из — пусть самых главных — источников его возникновения. Многие политики забывают, что, возникнув из самых различных источников, фашизм становится самодовлеющим организмом, развивающимся по своеобразным и только ему присущим законам (момент, удачно подчеркнутый т. Гейнрихсеном в № 26/27 «Цейтшрифт фюр Социализмус»). Эти законы исключают возможность приурочения фашизма. Сторонники уступок «справедливым» требованиям Германии невольно совершают в области внешней политики ошибку, сыгравшую роковую роль во внутренней политике Германии и Италии, где производились опыты приурочения фашизма. Всякую уступку фашистская Германия использует в качестве плацдарма для подготовки на расширенном, вследствие уступок, базисе новых и новых ударов, направленных против мира. Достаточно вспомнить роль английского правительства (см. статью Гильфердинга в № «Ц. ф. С.»), несущего главную долю ответственности за ту угрозу миру, которую представляет собой вынужденная Германия, чтобы понять всю иллюзорность политики уступок. С наглостью выскочек гитлеровские молодцы трактуют делаемые им уступки, как проявление слабости, проникаются чувством своей непобедимости и распясаются во всю.

Единственное успешное средство борьбы за мир заключается в противопоставлении Германии силы, способной в случае нужды дать отпор наполеоновским поползновениям вершителей судеб Третьего рейха. Только сознание того, что военные затеи окажутся чем угодно, только не увеселительными прогулками, способно протрезвить Гитлера и заставить его подавить в себе захватнические вождения. Речь идет о создании вокруг фашистской Германии как бы карантинного кордона, не позволяющего прорваться наружу парам, накапливающимся внутри страны. Только с точки зрения реализации этой цели следует подходить ко всем текущим вопросам внешней политики, в частности к вопросам, выдвигаемым итапо-абиссинским конфликтом. Набег Муссолини на Абиссинию страшен теми последствиями, которые он может вызвать в поведении Гитлера. Поэтому так важно сплочение вокруг Лиги Наций государств, готовых дать отпор Италии.

весьма трудно совместимому с той тенденцией к превращению партийной диктатуры в единоличную диктатуру Сталина, которая как раз сейчас так характерна для эволюции советского режима. Дело демократизации со всеми теми перспективами раскрепощения политической и профессиональной организации рабочего класса в Советском Союзе, которые были с этим делом связаны, застопоривается. Эта остановка, несомненно, отражается неблагоприятно на успехах движения к единству. Но большевистская диктатура может примириться в данный момент с известным ослаблением этого фактора своей внешней политики потому, что как раз теперь другой фактор той-же политики находится «в повышении»: смена правительства во Франции улучшает шансы на скорую ратификацию франко-советского пакта; торжественный прием советского комиссара иностранных дел английским королем демонстративно подчеркивает тот факт, что складывающаяся мировая обстановка делает и Великобританию гораздо более склонной к сближению с Советским Союзом, чем это было еще недавно; и т. д.

И вот, на наших глазах новый зигзаг большевистской политики, определяемый, прежде всего, внутренне-политическими соображениями, вносит неоспоримый холодок и в ту политику единства, которую еще так недавно с таким пылом вели вожди французского коммунизма. «Исторические» речи и решения конгресса Коминтерна начинают подвергаться такому перетолкованию, которое превращает их в простое повторение

Поэтому так важно последовательное проведение в жизнь санкций и закрепление идеи коллективной безопасности. Успех Муссолини окрылит Гитлера. Наоборот, срыв разбичьего плана итальянского диктатора заставит призадуматься его немецкого собрата прежде чем пуститься на осуществление своих внешнеполитических проектов.

Действенная борьба за мир или создание вокруг Германии непроницаемой стены, что одно и то же (см. статью Г. Бинштока в № «Ц. ф. С.») настоятельно диктует РСИ и ее секциям пересмотр своего отношения к вопросу о разоружении. Об одностороннем разоружении демократических государств сейчас кажется уже никто не говорит. Но и требование всеобщего разоружения является в наши дни анахронизмом. Требование это воскрешает иллюзии, питаемые еще недавно многими деятелями рабочих партий, настаивавших на соблюдении «правил игры» по отношению к фашистам. Осуществление всеобщего разоружения предполагает наличие хотя бы отдаленного схождения в структуре государств, заключающих соответствующее соглашение. Гарантия того, что Германия, подписавшая соглашение о разоружении, не станет в тиши ковать меч, чтобы при первом удобном случае обрушиться на действительно разоружившиеся страны? Таких гарантий нет и не может быть, пока Германия сохраняется фашистской страной. Поэтому лозунг международного социализма должно стать не всеобщее разоружение, а **предварительное разоружение Германии** или иными словами проведение в жизнь тех пунктов Версальского договора, которые Германия официально нарушила 17-марта минувшего года, введя всеобщую воинскую повинность. Обратной стороной этого лозунга не может не быть содействие рабочих партий вооружению демократических стран, как Франции и Англии, а особенно тех из них, где социалдемократия стоит у власти. Но тут мы подходим к вопросам внутренней политики.

Мы видели, что борьба за мир является одновременно борьбой с фашизмом. И эта же борьба за мир может и должна быть использована в борьбе за власть. События последних лет показали, что господствующие классы меньше всего думают о действительной защите своих отечеств. «Пакс германика» им милее, чем неизбежное усиление влияния рабочего класса в условиях демократии. Социалистический пролетариат может никому передоверить борьбу за мир, т. е. борьбу с фашизмом. Создается положение, когда на рабочий класс падает задача защиты подлинных национальных интересов, когда социалдемократия объективно становится партией народа в широком смысле слова. Угрозу национальному существованию, которую национал-социализм несет ряду стран, социалдемократия должна использовать в качестве рычага д-

старого. А недавний съезд французской коммунистической партии не только игнорирует предупреждения Леона Блюма, но совершенно недвусмысленно ставит объединению такие условия, которые Блюм только что объявил неприемлемыми.

Это не значит, что всему движению единства и во действую его на внутреннюю политику советского правительства окончательно поставлена точка. Наоборот можно быть уверенным в обратном. Можно предполагать, что за нынешним зигзагом, неблагоприятным для дела демократизации и для дела единства, последуют другие, для них более благоприятные. Но нельзя не констатировать, что, в ходе «маневренной» политики единства, факторы, посторонние движению единства, оказывают существенное влияние на его судьбы. Нынешняя заминка в этом движении стоит в совершенно очевидной связи с тем зигзагом, который прodelывает сейчас внутренняя политика советской диктатуры.

Но, если этот зигзаг является одной из причин заминки, то было бы совершенно ошибочно забывать, что это именно лишь одна из причин, и притом далеко не самая главная; что основных причин некоторой остановки или замедления темпа движения надо искать в самом этом движении и в тех условиях, в которых оно протекает. Но об этом — в следующий раз.

Ф. Дан.

(Окончание следует).

создания большого народного движения, диктуемого здоровым инстинктом национального самосохранения. Она должна убедить массы, что только в ее руках возможна последовательная защита страны перед лицом национал-социалистической опасности. Отчего нужно дожидаться катастрофы, чтобы применить так наз. якобинскую тактику? Как облегчить положение рабочего класса, «если война все-же разразится», когда катастрофа застанет его вынесенным к власти народной движением, не доверяющего господствующим классам борьбу за мир! Как расширятся кадры возможных союзников пролетариата — особенно среди интеллигенции, в частности среди военной интеллигенции, — когда он вырвет национальный аргумент у шовинистов и свяжет его с борьбой за власть!

Если тезисы Бауэра, Дана, Дюнуа и Жиромского а также тезисы нашей З. Д. хотя действительно дать рабочему классу в руки тактику «активного пролетарского интернационализма», они должны быть дополнены системой внешнеполитических взглядов, логически вытекающих из положений, сформулированных ими же на случай войны. Борьба за предотвращение войны есть борьба с фашизмом и ведет к борьбе за власть.

Б. Сапир.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Чрезвычайный съезд французской социалистической партии, заседавший 1-2 февраля в парижском пригороде Булони, был посвящен главным образом предстоящим вскоре парламентским выборам. Но, в связи с определением порядка дня предстоящего 30 мая-2 июня очередного съезда партии и с докладом о переговорах с коммунистами, были затронуты и другие вопросы.

Меньше всего прений вызвала избирательная платформа. Были представлены два проекта: один — Постоянной Административной Комиссии (партийного центра), в первоначальный текст которого; по инициативе группы «Комба Марксист», Сенской Федерации удалось внести значительные видоизменения, и другой — «революционной левой» (группа Марсо Пивера). В положительной части своей оба проекта мало отличаются друг от друга. И там, и тут требуется ряд реформ, экономических и политических, в своей совокупности меняющих самую «структуру» общества, подкапывающихся под самые основы капиталистического строя: национализация банков и основных отраслей промышленности; радикальное изменение налоговой системы; отмена декретов Лавалля; роспуск фашистских лиг; пропорциональная система выборов; 40-часовая рабочая неделя без уменьшения заработной платы; и т. д. Проект «революционной левой» (как впрочем в более общей форме и проект сенской федерации) особенно подчеркивает приоритет внепарламентских форм борьбы и самостоятельности трудящихся масс над парламентской работой. Дискуссия сосредоточилась главным образом на разделе платформы, посвященном налоговой реформе. Выступавшие ораторы указывали на необходимость особенно подчеркнуть ту роль, которую должны играть в реформированном бюджете доходы от национализированных предприятий. С другой стороны, сильной критике подвергся проектируемый платформой доклад на расходы. В виду отсутствия на съезде главного специалиста партии по налоговым вопросам, т. Венсен-Ориоля, было решено поручить Административной комиссии в кратчайший срок дать окончательную формулировку данному разделу платформы, руководясь высказанными на съезде соображениями. Самая платформа была принята 3006 мандатами, за проект «революционной левой» высказалось лишь 335.

Более страстные прения вызвала избирательная тактика партии. Сенская федерация высказалась в том смысле, что основным правилом должно быть выставление в первом туре единой рабочей кандидатуры, по соглашению между всеми пролетарскими партиями. Помимо общих соображений о решающем значении борьбы за единство в данный момент, в защиту этого правила приводился и тот довод, что, в виду состоявшегося объединения профсоюзов, не следует создавать положения, при котором могли бы выступать друг против друга кандидаты, принадлежащие к единой профсоюзной организации. Комиссия, выбранная съездом, высказалась однако за то, что правилом должно оставаться выставление партией собственных кандидатур в первом туре, но предоставила тем федерациям, которые сочтут это нужным и возможным, договариваться (под контролем партийного центра) с другими рабочими партиями об единых рабочих кандида-

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETIE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

турах. В виду такого решения комиссии, Жиромский представитель сенской федерации, не настаивал уже на принятии полностью ее точки зрения, но с большою страстностью требовал, в виде компромисса, чтобы федерация не просто «предоставлять право» выставить единые рабочие кандидатуры в первом туре, но чтобы такая тактика им «рекомендовалась». Но в данном случае Жиромский, с одной стороны, Блюм и Брак, с другой, — все, как известно, самые горячие сторонники единства — оказались в разных лагерях, и съезд утвердил решение комиссии. Во втором туре допускается поддержка лишь тех кандидатов, которые выскочат определенно за платформу «народного фронта».

Что касается порядка дня очередного съезда, то меньшинство требовало постановки на обсуждение вопроса о международном положении и войне. Большинство отклонило это требование, ссылаясь главным образом на то, что съезду, который соберется после выборов, надо будет заняться, прежде всего, парламентской тактикой, и у него не будет времени для разработки столь важного вопроса. Но, конечно, не исключена возможность, что вопросы войны и мира будут все-же, хотя бы мимоходом, подняты на съезде в связи с дискуссией об общей политике.

На всем протяжении съезда ясно чувствовалось, что проблема единства есть та основная проблема, под углом зрения которой приходится обсуждать все другие тактические вопросы. Однако доклад Блюма носил чисто формальный характер, дал четкую и подробную картину хода переговоров с коммунистами, но не входил в обсуждение по существу тех принципиальных и тактических вопросов, которые выдвигались переговорами в порядок дня. Во всяком случае этим докладом была совершенно разрушена легенда, будто инициатива сближения и объединения пролетарских партий, как и инициатива решающих этапов переговоров (образованная комиссией координации и объединения, выработка общей платформы или «хартии единства» и т. д.) принадлежит коммунистам; эту честь социалистическая партия имеет полное право оставить за собою. Доклад Блюма подчеркнул также и то обстоятельство, что социалистическая партия с самого начала видела в «единстве действий» и прочих формах кооперации пролетарских партий лишь необходимые этапы на пути к полному организационному единству, которое было и остается ее целью.

Обрисовав все стадии переговоров с их трудностями и перерывами, Блюм перешел к ходу событий за последнее время. По требованию коммунистов было решено попытаться столкнуться по четырем основным пунктам: 1) диктатура пролетариата, 2) отношение к русской революции, 3) вопросы Интернационала и 4) принципы организации объединенной партии. Хотя социалисты и отказались считать советскую систему обязательной формой диктатуры пролетариата, ссылаясь на то, что следует принять во внимание опыт не только русской, но и других революций, но все-же по этому вопросу удалось наметить формулу, которую коммунисты согласились признать подходящей основой для дальнейшей работы. Точно так же удалось найти приемлемую как будто формулу для характеристики отношения к русской революции. И тут социалисты отказались безоговорочно признать

эту революцию «социалистической», но согласились указать 1) на чрезвычайное значение русской революции для судьбы всего мирового рабочего движения, 2) на факт уничтожения капиталистической эксплуатации на территории СССР и 3) на пролетарский характер советского государства*). И эту формулу коммунисты признали как будто приемлемой. Но, по заявлению Северака, на последнем заседании комиссии по выработке программы объединенной партии (на котором Блюм отсутствовал) коммунистические делегаты потребовали нового обсуждения обоих пунктов — о диктатуре и о Советской России — и кроме того пытались поставить на обсуждение вопрос о высказанном Блюмом мнении о возможности участия представителей пролетарских партий в правительстве «народного фронта» (этот вопрос был снят, как не входящий в компетенцию комиссии).

Блюм закончил свой доклад указанием, что, добросовестно отмечая все встретившиеся затруднения, он отнюдь не имел в виду будить какой-либо скептицизм к делу восстановления организационного единства. Наоборот, он твердо уверен в том, что комиссия сможет успешно закончить свою объединительную работу. Самый характер доклада исключал прения по существу затронутых вопросов, и только Вьелль, делегат Жиронды, высказал пожелание, чтобы местные организации партии имели возможность осведомления и своевременного воздействия на ход переговоров об единстве, на что ему было отвечено, что во всяком случае без Постоянной Административной Комиссии и партийного съезда никаких окончательных решений по вопросу об единстве принято быть не может.

Комиссия, докладчиком от которой опять выступил Блюм, одобрила работу комиссии объединения и поручила социалистическим делегатам еще настойчивее работать над восстановлением организационного единства. Она одобрила также решение комиссии объединения об устройстве нескольких информационных собраний (по образцу бывшего в Париже) с представителями обеих пролетарских партий, с тем однако, чтобы устройство таких собраний и намерение ораторов принадлежало самой комиссии объединения, чтобы на собрания допускались только члены партий, чтобы, помимо намеченных ораторов, никто на них не выступал и чтобы не принималось никаких резолюций. В случае успеха таких собраний, федерациям будет предоставлено право через Постоянную Административную Комиссию возбуждать вопрос об устройстве таких собраний и на местах, с тем однако, чтобы они ни в коем случае не ставили П. А. К. перед совершившимися фактами.

Предложения комиссия съезда были приняты единогласно, но предварительно от имени «революционной левой» выступил тов. Гольдшильд, который заявил, что будучи «страстной сторонницей единства» и настаивая на ускорении работ комиссии по объединению, «левая» настаивает в то же время, чтобы в основу организации объединенной партии был положен принцип **незыблемой внутренней демократии**, права всех течений на свободное высказывание и свободную борьбу за свои взгляды. Указывая на преследование всех инакомыслящих социалистов в Советском Союзе и отмечая особо случаи тов. Евы Бройдо, «левая» настаивает, чтобы социалисты-члены комиссии по объединению указали на недопустимость такого положения своим коммунистическим коллегам и советскому правительству и потребовали освобождения заключенных и сосланных в Советском Союзе социалистов («контрреволюционное требование», — замечает по этому поводу «Юманитэ» в номере от 4 февраля!), а также отмены таких актов, как декрет, вводящий смертную казнь для несовершеннолетних.

*) В «Попюлер» от 4 февраля Морис Паз высказывает в дискуссионном порядке сомнение в целесообразности введения в обязательную для всех членов партии программу не только общих, принципиальных положений, но еще и определенного мнения насчет такого, конечно чрезвычайно важного, но все-же исторически переходящего и в своем ходе меняющегося и открывающего разные возможности явления, как русская революция. Оценка ее социально-политического характера так же не может быть принудительно навязана членам партии, как не может им быть навязана, напр., оценка Коммуны.

В краткой реплике Блюм отметил, что вопрос такого порядка подлежит ведению не комиссии по объединению, а комитета координации.

Эпизод с выступлением представителя «левой» показал во всяком случае, насколько сильны как раз в кругах, особенно ревностно работающих над единством, опасения, чтобы единство не создалось на авторитарно-большевистских принципах, убивающих всякую самостоятельность членов партии и насколько велики препятствия, которые создает для единства политика Сталинской диктатуры.

ПЛАТФОРМА ИТАЛЬЯНСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

«Нуово Аванти» публикует платформу, выработанную социалистическими группами, нелегально работающими в Италии.

Введение к этому документу посвящено анализу кризиса фашистского режима. «Если бы даже этому кризису суждено было быть длительным, если бы даже фашизму удалось отступить на какие-либо компромиссные позиции, то одно во всяком случае неоспоримо: фашизм вступил на наклонную плоскость, задержаться на которой он не сможет. Война, которая должна была отвлечь внимание от экономических затруднений, на деле эти затруднения обостряет; она толкает все к новым авантюрам. С другой стороны, непоправимая компрометация диктатора, неизбежный крах денежной системы, изоляция от всего мира, — все это не дает возможности поправить дело, и мы должны предвидеть в более или менее близком будущем крушение диктатуры».

Положение требует поэтому организации донные распыленные социалистических сил, чтобы иметь возможность с успехом вмешаться в ход кризиса, создавать для того и пользоваться подходящими случаями, которые будут представляться.

В этих видах итальянские социалисты ставят себе задачей объединить в одной классовой партии все социалистические и марксистские течения;

Вступить в соответствующие соглашения и наравно, даже с буржуазными партиями, на почве программы-минимум, включающей в себя широкие и глубокие реформы экономической структуры (контроль над внешней торговлей, коллективное руководство наиболее важными отраслями промышленности и кредита, земельная реформа и т. д.).

Задачей реорганизованных таким образом для борьбы социалистических и анти-фашистских сил будет энергичное вмешательство в ход кризиса с целью помешать компромиссным решениям, которые позволили бы силам реакции сохранить свои позиции (как это имело место в Германии и Испании). Их основная цель будет заключаться в овладении командными рычагами государственного аппарата, чтобы помешать возврату реакции и расчищать путь новому социально-политическому строю.

В ЛИТВЕ.

В десятый год своего существования литовская диктатура вступила под знаком глубокого кризиса, угрожающего основам фашистского режима.

Характерным признаком литовской разновидности фашизма является ее беспримерное идеологическое убожество, рабское подражание заграничным фашистским образцам и полная неспособность наложить свою печать на страну. Фашизм не смог твердо встать на ноги в Литве; он охватывает, да и то лишь поверхностно, только часть молодежи, чуждого новничества и немногочисленную верхушку богатого крестьянства.

Попытки литовского фашизма укрепиться организационно окончились неудачей. Семь лет тому назад была основана фашистская крестьянская организация, но она перешла вскоре в оппозицию к режиму и, в конце концов, совершенно исчезла. Более успешны были по видимости старания диктатуры организовать крестьянскую молодежь, и по официальным данным значительные кадры деревенской молодежи числятся в фашистских союзах. На деле и эта опора фашизма в высшей степени ненадежна. Верно, что, благодаря монопольному положению и всяческой поддержке властей, фашистский союз насчитывает в своих рядах немало молодежи. Но не менее верно, что большинство этих «молодо-литовцев»

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ!

цев» не имеет ничего общего с фашизмом. Много а-политич- ный и даже анти-фашистки настроенной молодежи вступи- ло в фашистский союз, но недавние крестьянские беспоряд- ки показали, что многие «младо-литовцы» не стоят на сторо- не правительства, а совместно со своими отцами и братьями подняли оружие против правительства.

Печальную картину представляет собою сама фашистская партия, называющая себя «Союзом националистов». Помимо карьеристов и авантюристов, пользующихся благоприятной конъюнктурой, и весьма малочисленных богатых крестьян, вступивших в партию из корыстно-хозяйственных соображе- ний, ядро партии состоит из зависимых от правительства чиновников. Для огромного большинства этих фашистов по неволе принадлежность к правящей партии является просто средством самозащиты от возможного увольнения. Об идео- логической спайке принудительно согнанных членов партии не может быть и речи.

Международные события тоже не всегда были благоприят- ны для литовского фашизма. После переворотов в Германии, Латвии и т. д. и литовские фашисты пели победные гимны, но радость была недолговечна. Взаимоотношения Литвы с Гер- манией и Польшей, особенно с первой, не позволили литов- ским фашистам слишком долго радоваться успехам Гитлера. Скрытая тяжба с Германией из-за Мемельской области сразу превратилась в открытый конфликт, и меры экономиче- ской репрессии, принятые германским правительством по отношению к Литве, ощущаются весьма болезненно: они еще удваивают бремя общего кризиса для литовского хозяйства.

Такое международное положение отразилось и на внутри- политической обстановке Литвы, по крайней мере, поскольку это представляло диктатуре необходимым для введения в заблуждение заграницы. Литовский фашистский режим име- ет два лица: одно, обращенное к стране, другое — к загра- нице. В своих выступлениях за границей и в сношениях с де- мократическими государствами режим говорит всегда о Ли- товской республике, и слово конституция не сходит у него с уст; внутри-же страны конституция и всякое право вообще распостыны ногами и выброшены в помойку.

Свобода слова, печати, собраний и, за малыми исключе- ниями, организации уничтожена. Несколько большею свободо- ю пользовалась до недавнего времени христианско-демо- кратическая партия, но только потому, что фашизм был не уверен в возможности разгромить ее. Социалдемократическая партия была совершенно уничтожена, все ее местные груп- пы, за исключением ковенской и Центрального Комитета, были распущены. Для заграницы социалдемократическая партия все еще значится легальной, внутри страны от партии оста- лась одна вывеска.

Еще беспощаднее были разгромлены рабочие профсоюзы. Последние из них были распущены 2 февраля 1935 г. В то же время при министерстве внутренних дел была сострепана якобы рабочая организация под названием «общее-рабочего представительства», являющаяся на деле сборищем полицей- ских шпионов и нескольких перебежчиков. Внутренне сгнив- ший и опустошенный литовский фашизм держится лишь гру- бым насилием. Он правит без контроля и без программы. Он не сделал ничего, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить страш- ную нужду широчайших слоев населения. Он распахнул на- стужь двери всяческой коррупции в государственном аппара- те и господствующей партии. Вся общественная жизнь отрав- лена ядом шпионства и политического угодничества. Грубый полицейский режим пресекает всякую общественную инициа- тиву. И все-же литовский фашизм полагал, что ему возможно будет и дальше держаться на разведенном им болоте. Но тут случилось неожиданное.

Общий хозяйственный кризис коснулся Литвы несколько позже, чем других государств. Но тем большей тяжестью обрушился он на литовскую деревню. Сильная задолжен- ность крестьянства, падение цен на с.-х. продукты, недоста- ток заграничных рынков, громадное налоговое бремя и кор- рупция государственного аппарата в связи с грубостью режи- ма, — все это вывело из себя спокойную литовскую де- ревню. Летом 1935 г. совершенно неожиданно для прави- тельства вспыхнули **крестьянские беспорядки**.

Движение охватило сначала южную Литву. Оно началось с простейших требований вроде уменьшения податного и долгового бремени, повышения цен и т. п. Для поддержки своих требований крестьяне вступали в стачку: они отказы- вались поставлять свои продукты в города, молоко — на сборные пункты, свиней — в закупочные центры. Постепен- но список крестьянских требований пополнился: начали тре- бовать изменения состава правительства, прекращения по- лийского произвола, и сейчас главным требованием является ликвидация режима и выборы демократического парла- мента. Начались оживленные собрания по деревням, примитивно разномысленные листки засыпали их, крестьянские стач- ки все ширились. Фашизм прибег к силе, на подавление кре- стьянского движения была брошена полиция. Дело дошло

до столкновений, в которых несколько человек было убито и ранено. Но тут и крестьяне взялись за оружие. Тюрьмы наполнились бунтующими крестьянами. Характерно, что и сейчас правительство не осмеливается двинуть против бун- тующих крестьян солдат, так как не уверено, в какую сто- рону обратят солдаты оружие...

Так как грубое насилие не запугало крестьян, а лишь еще больше ожесточило их против режима, правительство попро- бовало справиться с беспорядками мнимыми уступками. Два особенно ненавистных министра, внутренних дел и земледе- лия, были удалены из правительства. По отношению к бун- тующим крестьянам правительство пыталось показать мяг- кость. Делались попытки и компрометировать движение, изображая его вожаков и агитаторов то агентами германского правительства, то большевиками, а то и уголовными преступ- никами. Самому крестьянству дали несколько дешевых обе- щаний и незначительные облегчения по части погашения дол- гов.

Но все это не помогло. Южно-литовская деревня не успо- коивается. Все шире растет и все сознательнее становится со- противление ненавистному режиму. Столкновения с полицией не прекращаются. Движение распространяется и на другие части Литвы. Постепенно оно охватывает все крестьянство, и требования его крестьянская масса подхватывает, как тре- бования обще-крестьянские. Предателям и правительствен- ным агентам грозят индивидуальным террором. С месяцю тому назад угрозу эту пришлось испытать и вдохновителю репрессий, министру юстиции Шиллингу: сеновал его имени стал жертвой красного петуха.

Так как мнимая «мягкость» не помогла, фашизм снова ухватился за испытанное оружие свирепого насилия. Две партии, клерикальная христианско-демократическая и кре- стьянская, были распущены. В двух случаях (Утянский округ и Южная Литва) группы бунтующих крестьян преданы военно-полевому суду. Полицейский режим еще усилен, закон о печати изменен в смысле полного подчинения печати по- лийскому произволу. Попытка некоторых офицерских кру- гов побудить режим к компромиссу встретила в верхушке режима резкий отпор. Повидимому, крестьяне не успокоятся, пока ненавистный режим не будет окончательно ликвидиро- ван. Все активнее становятся и рабочие, несмотря на несль- ханно тяжелую политическую и экономическую обстановку. Анти-фашистские настроения нарастают и в буржуазных кругах, общее брожение захватывает даже армию. Среди са- мых фашистов царят страх и растерянность, многие попутчи- ки открыто выступают против фашизма, чувствуется забота, как бы во-время успеть покинуть тонущий фашистский ко- рабль. Ближайшие месяцы, быть может, приближающаяся весна, могут принести развязку. От социалдемократов до клерикалов вся страна объединяется в кличе: Долой фашизм! Литва должна стать демократией!

В дополнение к напечатанному выше письму из Литвы со- общают:

19 декабря 1935 г. Ковенский военно-полевой суд пригово- рил Иосифа Саопалиуса к пожизненному тюремному заклю- чению, Петра Сарпалиуса к 12 годам, Иосифа Бразайтиса к 9 годам, Михаила Жуодисиуса и Антона Григалевичуса к 6 годам, остальных обвиняемых к заключению до одного года. 2 января 1936 г. Утянский полевой суд приговорил И. Зви- ронаса к 12 годам тюрьмы, Намажускаса к 5 годам, Бидлау- скаса к 4 годам, Сирвиласа к 3 годам, Ис. Звиронаса к 2 го- дам. Большинство осужденных по этому процессу — социал- демократы.

70-ЛЕТИЕ ЭМИЛЯ ВАНДЕРВЕЛЬДЕ.

В субботу 25 января Бельгийская Рабочая Партия торже- ственным собранием отметила 70-летие Э. Вандервельде, по- кинувшего председательский пост в РСИ лишь в силу уста- ва — за своим вступлением в коалиционное правительство Бельгии. Тысячи телеграмм и писем от социалистических пар- тий всех стран, от различных рабочих организаций, от поли- тических деятелей, писателей, частных лиц со всех концов земного шара приветствовали юбиляра, горы цветов и все- возможных подарков были поднесены ему. Советский посол также отметил юбилей Вандервельде поднесением худо- жественного ларца работы советских кустарей. З. Д. РСДРП послала заслуженному социалисту следующее приветствие за подписями Ф. Дана и Р. Абрамовича:

«От имени РСДРП З. Д. посылает славному борцу бельгий- ского и международного социализма, бестрепетному защит- нику прав пролетариата всех стран на свободу организации и борьбы, великому другу русского социализма, выражение своего уважения, своей благодарности и своего горячего по- читания».

50-ЛЕТИЕ ТОВ. Б. ВЛАДЕКА.

11-го и 12 января нью-йоркские социалисты в торжественной обстановке, на товарищеском банкете и на массовом народном собрании отпраздновали 50-летие тов. Владека, одного из самых популярных вождей рабочего движения в Америке. Выходец из России, тов. Владек начал свою револ. карьеру в рядах Бунда. Уже 18-летним юношей он приобрел большую популярность в бундовских организациях своим ораторским дарованием, (в рабочих кругах он получил кличку «Лассаль»). Эмигрировав в 1908 году в Америку, Владек очень быстро занял выдающееся место в еврейском, а затем и в общем рабочем движении Америки, как лектор, оратор, журналист и организатор, член нью-йоркского муниципалитета и т. п. В течение последних лет Владек состоит администратором евр. соц. газеты «Форвард», успеху которой Владек много способствовал. После победы фашизма в Германии тов. Владек сделался душой анти-фашистской кампании в Америке. При его ближайшем участии создан амер. профсоюзами крупный фонд для поддержки анти-фашистской рев. борьбы, который распределяется через Комитет Маттеоти при РСИ. — Тов. Владек, несмотря на свои многочисленные американские, еврейские и интернациональные обязанности, сохранил живейший интерес к России и русской революции, и все эти годы является верным другом нашей партии. К его юбилею отправлены поздравления и приветствия представителями нашей З. Д., т. т. Юдиным, Даном и Абрамовичем.

Р. А.

Памяти тов. ВИРГИЛИЯ

Из Вильны прибыло известие о смерти видного деятеля Бунда, тов. Виргилия (Б. И. Кагана). Тяжело больной, приговоренный к смерти диагнозом врачей (он знал, что у него рак пищевода), тов. Виргилий до конца дней не прекращал неутомимой общественной работы на самых различных поприщах: в социалистическом движении, в идишистской школьной организации, в Орте, в муниципалитете и пр. За последние полтора десятка лет тов. Виргилий превратился в локального работника, в виленаца, здесь завоевав всеобщее признание своей личной моральной безупречностью и редкой преданностью делу еврейской демократии и социализма. Но было время, — и мы живо помним его, — когда имя тов. Виргилия пользовалось популярностью во всем районе Бунда, — как имя одного из ярких представителей того героического поколения профессиональных революционеров, — которое в большой степени и создало славу Бунда, как одной из сильнейших революционных организаций в старой России. Блеском этой славы, воспоминанием об этих героических днях была овеяна личность и деятельность тов. Виргилия до самого конца.

Случилось так, что Виргилию-Кагану, как революционеру, еще 30 лет тому назад была дана яркая характеристика в тогдашнем органе Бунда «Последние Известия» (№ 241 от 17 июля 1905 г.): при жизни на его долю выпала возможность прочитать свой некролог. За границу прибыло известие о трагической гибели тов. Виргилия во время июньского восстания рабочих в Лодзи. В этом прижизненном некрологе отмечены смелость и неустранимость его в борьбе и беззаветная преданность делу, — как и любовь и симпатии, которые вызывал он постоянно среди рабочих и товарищей.

Еще совсем зеленым юносом он вступил в движение. В роли профессионала работал повсюду: в Гомеле, Пинске, Бобруйске, Могилеве, Житомире, Лодзи, Вильно, Сморгони. Участвовал в ряде нелегальных съездов и конференций. В 1905 году стоял во главе самообороны во время житомирского погрома и был ранен. В Лодзи был одним из вожаков июньских дней. В годы реакции, проживая нелегально, он отошел на время от политики: им владели национально-религиозные настроения. Но этот период был кратким эпизодом. Поселившись в Петербурге, тов. Виргилий вернулся к политической работе. Революция 1917 г. его застаёт в качестве одного из руководителей Петроградского Комитета Бунда. Он был близок и к РСДРП: на майской конференции партии 1918 г. он был одним из делегатов от Петрограда. Скоро после того он покинул Сов. Россию, — и начался виленский период его жизни, который оборвался сейчас...

Нет сомнений, что печальная весть о смерти тов. Виргилия взволнует до глубины души старую гвардию бундовцев, рассеянных по всему миру: в Польше, Америке: — всех, кто не изменил старому знамени в Сов. России, взволнует многочисленных друзей его, навсегда сохранивших с благодарностью образ прекрасного человека и страстного борца за наши общие идеалы.

Г. Аронсон.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — «Сплошной праздник». — Единение с народом. — Слухи о войне. — Жизнь входит в норму.

Наши будни превратились в сплошной «праздник». Утром разворачивая газету, уже заранее прикидываешь: сколько за сегодня придется новых орденосцев, кого осыпали патефоном с пластинками, сколько торжественных совещаний и сколько банкетов посетит наше руководство. Как это не странно, но **политика у нас сейчас на задворках**. О политике уже не принято говорить, а тем более обсуждать политические вопросы. Однако, как мне на днях объяснил один крупный чиновник, эта парадомания **не без политики**. Лишенная серьезных связей с широкими массами населения, правительством пытается установить их при помощи суррогатов — съездов случайных лиц различных областей. Под влиянием международной обстановки у нас снова заговорили о войне. Снова усилилась работа соответствующих отраслей народного хозяйства. Как никогда заработал Осоавиахим. Население усиленно обучается пользоваться противогазами и мерами так наз. п. в. о. (противо-воздушная оборона).

Улицы городов значительно преобразились. Их украшают не только красивые витрины больших магазинов, но и весьма быстрые мундиры советских лейтенантов, сержантов, интендантов и т. д. В форму одеты не только военные, но и служащие других ведомств. Водники, телеграфисты, почтовики, школьники (частично) и т. д. Стоит отметить, что за исключением военных, остальные формы очень близки к формам соответствующих дореволюционных ведомств.

С елкой получилось уже прямо-таки неудобно. Только накануне выступления **Постышева**, легализующего елку, в ряде городов были сняты заведующие рынками, допустившие продажу на них елок. Несмотря на усиленную рекламу и специальные меры, елка в этом году успехом не пользовалась. За исключением небольшой группы высших чиновников, елка на дому редко у кого устраивалась. Признание елки многие рассматривали как некоторое замирение с церковью. Во всяком случае многие не устраивавшие ранее официально никаких праздничных торжеств, в этом году «посмели» праздновать Рождество и при том по старому стилю.

Как видите, наша жизнь «входит в норму» — парады, балкеты, ордена, мундиры, чины и т. д. Нас стариков это не удивляет, а каково детям, воспитанным в революционных условиях? Лишь на днях мне 14-летний мальчик признался, что когда он в первый раз увидел новую блестящую форму, он подумал, что это иностранный аташе, а введение елки он рассматривал, как антирелигиозный маневр.

26 января 1936.

А.

ХАРЬКОВ. — Недовольство стахановщиной. — Пересмотр норм выработки и системы оплаты.

Еще совсем недавно многие искренне думали, что стахановское движение будет использовано исключительно для **повышения производительности труда и повышения зарплат**. Партийная и даже профсоюзная печать всячески стремилась убедить всех, что разговоры о том, что рост выработки поведет за собой резкий пересмотр норм и фактически знаменует собой наступление на рабочий класс, являются контрреволюционными и что так могут рассуждать лишь враги рабочего класса. В доказательство она приводила постановление ЦК, запрещающее пересматривать нормы.

Теперь уже многое стало яснее.

Всем хорошо известно, что значительные достижения стахановцев объясняются не только хорошей организацией труда, рационализацией технологического процесса, но что они в значительной степени связаны с колоссальным **напряжением физических, либо умственных сил рабочего**. Ведь не вызывает никакого сомнения, что при ускорении скорости коловейера в 3 или 5 раза, как это делается на наших тракторных заводах, интенсивность труда возрастает в еще большее количество раз. При этих условиях, теперь уже официально-объявленный пересмотр норм на непомерно повышенной базе вызывает **резкое недовольство широких рабочих кругов**.

Несмотря на исключительные репрессии случаи **избиения и бойкота стахановцев** встречаются довольно часто. Даже среди молодых рабочих заметно растет недовольство. Определенно поговаривают о предстоящем в феврале или марте пересмотре не только норм, но и всей **системы зарплат**. По некоторым достоверным слухам теперь усиленно обсуждается вопрос о дальнейшем усилении прав хозяйственников и полном отстранении профсоюзов (даже номинально) от вопросов регулирования зарплат.

Харьков, 30-го января 1936 г.

Металлист.

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ.

(Письмо из Москвы).

Начну свою корреспонденцию с поиска слова. Ищу его и не нахожу. В самом деле, как назвать тот новый, во всех отношениях, социальный тип, который мелькает пред нами, когда в Москве мы приходим в любой трест, наркомат, любое учреждение, любую фабрику? Как назвать этих людей, то ужасно, то озабоченно мчащихся на автомобилях по улицам Москвы, прижимая к себе набитые деловыми бумагами портфели? Как имя этих людей, которые очень умело соединяют работу с удовольствиями, занимают первые места в театрах, являются лучшими покупателями всякой снеди и гастрономии и лучшими клиентами ресторанов, где они засиживаются далеко за полночь? А их не оторвать от перестраивающейся Москвы, лихорадочно открывающей новые магазины, отели-палатки, небоскребы, общественные здания, заливающие асфальтом свои улицы и одевающей в гранит Москва-реку, которая, влив в себя воды Волги, станет глубокой и подной, будет важнейшим портом страны.

Если назвать их коммунистической буржуазией, — будет, пожалуй, грубо, а назвать их советской аристократией, — будет слишком тонко. Назовем их «ответственными людьми», тем более, что они каждую минуту подчеркивают ответственность работы, которую они делают, и каждую минуту о том и везде твердят. «Я велел», «я приказал», «я отдал распоряжение», «я переобременен делами», «я невероятно устал», «я должен отдохнуть, но, увы, я не могу», «без меня дело не пойдет», «без меня обойтись не могут», — подобные выражения не сходят с языка ответственных людей. Когда кто-нибудь робко заметит, что другие тоже работают, тоже устали, ответственный человек сделает нетерпеливый жест: «ах, нельзя же мою работу сравнивать с работой других, ведь это совсем не то!»

Ответственного человека можно узнать сразу по многим приметам. Он хорошо одет: щеки его круглы, у него приличный галстук. Посмотрите, например, как он приходит в кафе и требует для себя какой-то замысловатый напиток или еще, что еще более заманчиво — новое. Сразу видно, что человек бывалый в разных «заграничках». «Я это пил или ел в Нью-Йорке, обязательно заведите это у нас». Или: «я видел это в Лондоне или Париже, это у них хорошо дают, нужно, чтобы наши трудящиеся массы с этим познакомились». О «массах» ответственный человек думает в этот момент столько, сколько о прошлогоднем снеге. Он просто хочет, чтобы у него под руками были те мелочи, — и тут он цитирует Сталина, — «что красят жизнь». Ответственный человек хочет жить полно, как выразился один из них, — «при всех козырях». Он чувствует, что из передраг и опасных пертурбаций страна вышла и теперь нужно «всерьез и надолго» и главное **удобно** устроить жизнь. Первым делом — квартира. Устроиться с квартирой в перенаселенной Москве, где буквально нет полметра незаселенного места, очень трудно. Но ответственный человек преодолевает все трудности и, нажимая всякие кнопки, действуя всякими связями, умеет устроиться, умеет выковырнуть квартирку с удобствами и в старых, и в новых домах. Вот, к примеру, довольно большая квартира, в которую обычно втискивают несколько семей. Между тем, в ней живут только двое «ответственных». И у этих двух — две прислуги. И у них, конечно, автомобиль. Вот другая квартира: на одной половине живет «ответственный» отец, а на другой — столь же ответственный сын с женой. На каждой половине по прислуге. Вот квартира третьего «ответственного»: в ней живут он, она и двое детей. А при них трое, им служащих: наемная кухарка, девочка при детях и приходящая на день гувернантка-бонна. Рост за последние два-три года прислуги, обслуживающей частных лиц, бросается в глаза. Говорят, будто-бы теперь в Москве есть не менее 70 тысяч всяческой прислуги, и она находится в распоряжении, конечно, главным образом, у коммунистической буржуазии, виноват, у ответственных работников. Иметь прислугу, при их зарплатах, им ничего не стоит. Заработная плата рабочих в текущем году в среднем была приблизительно 190-200 рублей, а ответственные работники загребают тысячи. Прислуге, работающей у них весь день и получающей на ночь где-нибудь в кухне складную кровать, — они платят 50-60 рублей в месяц плюс, конечно, пища. Уже при зарплатке в 1500-2000 руб. ответственные люди стремятся обзавестись прислугой. А ведь указанные заработки не есть предел, и «ответственные товарищи», зарабатывающие 7000 рублей в месяц, не редкость. А если вы удивитесь такой сумме, ответственный человек скосит презрительно глаза и скажет: «семь тысяч, — подумаешь, штука! Я ведь не бездарность какая-нибудь! Посмотрите, вон товарищ А зарабатывает 14.000 рублей в месяц, тов. Б. имеет не меньше 22.000 рублей, а тов. В. гонит в месяц свыше 40.000 рублей».

Еще три года тому назад о деньгах не говорили. За деньгами не гнались, а все хитрили, как бы что-нибудь оттянуть

в натуре. Теперь деньги притягательная сила — ценность. Разговор о них не сходит с языка. Теперь каждый видит, что можно, не прячась, приобрести в магазинах за свои деньги. Деньги, деньги, деньги! О них звон идет по всем этажам советского здания, начиная с Кремля, кончая подвалами. Прежде, если-бы какой-нибудь рабочий услышал, что кто-то, хотя-бы самый преответственный, загребает 7.000 в месяц, он, вероятно, злобно проехался-бы по адресу «проклятого буржуа, пьющего нашу кровь и на ней жиреющего». Теперь другое отношение. Широкие слои как бы охвачены мыслью, что каждый из них, изловчась, может, если не 7.000, то все-таки изрядную толщину себе ухватить. На этом, в значительной мере, выросло стахановское движение, это, в значительной степени, объясняет желание множества молодежи поскорее уйти от станка, скорее стать инженером, техником, доктором, агрономом, директором, словом, «чем-то», только не рабочим.

Характерной чертой ответственных партийных и непартийных большевиков, — их различить ни в чем нельзя, — это подчеркнутое, наружное **обожание Сталина**. Удостоиться разговора с Сталиным, пожать его руку, — для многих из них высший предел счастья, о котором они потом будут месяцами говорить у себя на службе, в гостях, в кафе. Сталин для них **бог**, о котором даже помыслить нельзя плохо. Один такой ответственный спрашивает простого смертного: как вам понравилась последняя речь Сталина о стахановцах? Простой смертный отвечает, что речь великолепна, но при этом имеет глупость или неосторожность прибавить: «а вот майская речь товарища Сталина на приеме красных командиров мне, все-таки, показалась более яркой». Ответственный человек, багрово покраснев и сжав кулаки, бросает: «прошу вас при мне **вредительских** и **троцкистских** разговоров не вести. Помните, что я за Сталина выйду на улицу с пулеметом и не пожалю расстрелять ни вас, ни родную мать». Стоит добавить, что сей пулеметно-настроенный ответственный человек совсем не член коммунистической партии и с тем, кого называю простым смертным, находится в родстве и знакомы они с детства, когда босоногими мальчишками вместе торговали семечками на улице маленького городка Западного края. Сталин для этих людей, действительно, великий символ или, лучше сказать, огромный рог изобилия, в котором спрятаны и квартира, и большой заработок, и интересная работа, и чины, и всякие ордена. Понятно, что малейшее сомнение относительно непогрешимости или гениальности «последней речи» Сталина — в их глазах чистое вредительство. Правые коммунисты, по их мнению, настоящие вредители.

Я не описываю вам ответственных людей, а даю только некоторые их черточки. Среди них несомненно масса продузных бестий. Однако, нельзя отрицать, что многие из них уже постигли не только американский «коктейль», но и искусство, как властно и по капиталистически вести вверенное им хозяйство. Весьма законспирировав обстановку, хочу рассказать о нескольких поучительных разговорах. Случаю было угодно, чтобы некоему простому советскому гражданину, не имеющему ни чинов, ни орденов, пришлось попасть в общество веселящихся ответственных людей. Дело происходило далеко за полночь. Пробки шампанского и вина хлопают. Коллективно выпитого не считается. Веселящаяся компания многочисленна и очень интересна: это люди, управляющие большими предприятиями, ворочающие большими делами. Все они коммунисты, но в этой обстановке, где остро пахнет вином, кружится голова и витает густой дым от папирос и сигар, они кажутся точно ряжеными. Кажется, что эти энергичные люди на самом деле просто молодые европейские или американские предприниматели, которым лишь какая-то фантазия истории дала русскую речь и положила в карман билет советской коммунистической партии. Кажется еще, что если их поставить во главе какого-нибудь европейского капиталистического предприятия они, привычной рукой нажимая на рычагах, будут вести его столь хорошо, что к новому году обязательно получат приличную танъему от господ акционеров. Речь одного из них особенно интересна.

«В 1935 году, говорит он, наша тяжелая промышленность сделала прыжок, перекрыв всякие планы. Почему? Потому, что она теперь организована. А почему она организована? Потому, что на каждом предприятии создана сильная единоличная власть. Мы говорим правительству: давайте нам, укажите количество, цену и приблизительно себестоимость, а потом не морочьте нам голову! Со всем остальным мы управимся сами. На местах **мы** хозяева, нам лучше видно, что нужно делать. Главное для успеха быть хозяевами. Мы прежде на предприятиях в демократию играли. От этого была анархия, и мы от нее страдали и считали ее социализмом. Бывало, видим лодырей, бракоделов, ходим около них кругом, а сказать стесняемся, — что скажет профсоюз? А теперь у меня бракодел и лодырь двух секунд на фабрике не задержится. Сразу к чертовой матери за ворота. Архимед говорил: дайте точку опоры и я рычагом переверну весь мир.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!

Власть — вот точка опоры. В ней все искусство. Власть я теперь могу применять и никого не боюсь. Все в том, что за мною поддержка, надо мною тов. Сталин. Выпьем же за здоровье нашего железного вождя тов. Сталина!»

Все выпили, да еще с каким удовольствием!

«Насчет власти, сказал другой ответственный, это вполне верно. Хотите темпов, хотите больше продукции, в таком случае, на предприятиях двоевластия или тем более трехвластия быть не может. Я прежде приезжал на фабрику и маялся: могу-ли попросить товарища швейцара взять у меня и повесить шубу или это «недемократично», не по товарищески? А теперь...»

Он сделал рукой какой-то особый жест, от которого все расхохотались.

Рассказывали много любопытного и другие собутыльники, и из каждой речи несся один припев: дело идет, хозяйство ширится, растет и главным образом потому, что «у нас теперь есть железная власть», потому, что мы, ответственные только пред нею, крепко держим в руках наши фабрики и заводы. «Все дело в нас, в нем — нашем Сталине».

Из ресторана возвращались почти под утро. Простому смертному пришлось ехать на автомобиле с тем ответственным человеком, кто говорил о швейцаре. Он был пьян, как стелька, обращался уже только на ты и икал в лицо. Автомобиль несся по старому Охотному Ряду, ставшему неузнаваемым, обрамленным небоскребами и дворцом-отелем «Москва» с номерами люкс за 100 рублей в день. Ответственный тыкал в них пальцем:

«Вишь, чего настроили. Видал? Смотри! Через три года Москва будет столицей столиц. Понимаешь? Много-ли у них таких гостиниц? Через пяток лет мы всю Европу под жабры возьмем и положим себе в карман».

А потом, вдруг заплакав пьяными слезами, он взял обоими руками голову своего спутника, притянул к себе и, обдав перегаром вина, стал шептать на ухо:

«ну-да, настроили мы-то много, много, но разве это со-

циализм! И разве мы-то социалисты! Бей в морду того, кто тебе скажет, что мы социалисты. Я тебе говорю — бей! Швейцар теперь за версту бежит. снимать с меня калоши. Помаешь? — вот какой у нас социализм»...

ИЗ ПАРТИИ

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ М. С. ЗБОРОВСКОГО.

30 января исполнился год со дня кончины славного революционера. Многочисленные товарищи, а также личные друзья и знакомые, собрались в этот день у могилы на кладбище Пэр-Лашез, в которой покоится урна с прахом Зборовского, чтобы почтить память почившего.

От редакции. — За недостатком места отлагается до следующего номера статья С. Шварца «Стахановское движение и охрана труда».

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

- Zeitschrift für Sozialismus.* Heft 28. Januar 1936.
International Review of contemporary thought and action.
 Vol. 1 N° 1. New-York, January 15, 1936.
La Phalange. N° 2. 15 Janvier 1936. Paris.
Marcel Breal. Défense républicaine ou offensive révolutionnaire. Editions de la revue «Que faire?». Paris. 1936.
Pod Prad. II. Warszawa, 1936.
Zukunft. I. New-York, 1936.
Delnicka Osveta. XXII. N° 2. 1936. Prag.
Que faire? Supplement au N° 13 «Nouvelles d'URSS» N° 1936 ; n° 14, Février 1936.
La commune de Paris. N° 9, 1936.
La Révolution Proletarienne. N° 215.
Der Kampf. N° 2. Feber 1936.
B. C. Vladeck. 50 years of Life and Labor. An appraisal by friends and comrades. New-York.
 Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) № 48.
 Новый Град. № № 9, 10. Париж, 1935.
 Згамя России, № 1 (77), Январь 1936 г.
 Мустафа Чокай-оглы. Туркестан под властью советов. Париж, 1935.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/1, 27/1, 4/2.
 Отослано: № № 1, 2 и 3.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

писки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. I (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial и б) S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical, 6) Paul Faure — «Si tu veux la paix», 7) Léon Blum — Souvenir sur l'Affaire (дело Дрейфуца), 8) B. Souvarine — Staline, 9) Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно